

Еще с вечера захороводило, загуляли разные ветры — то южный полыхнет с остатками летнего зноя, то вдруг повернется и закрутит сиверок с невесть откуда взявшейся прохладой, поднимают пыль, выметают улицы, ломают косматые ветки разнежившихся тополей, валят дощатые заборы. Августовский туман тяжело опустился на озеро, только ветер не дал ему отдыха, стал приподнимать от воды, рвал на куски и разбрасывал по окрестностям, заодно потревожил расположившихся на привычный ночлег заживших гусей, они тревожно подняли гордые головы на длинных шеях, словно всматриваясь в знакомые берега и ища у них объяснения. Природа разволновалась. Коровы, подкормленные и подоенные хозяйками, уже завалились на свои крутые бока и вынули лакомую свою жвачку, но зашевелились, тяжело переваливаясь, вставали и издавали протяжные жалобные мычания. Воробьи забились под крыши сараев и нахохлились, скворцы загоняли свои выводки куда подальше от стихии, и только ласточка, взмыв высоко к небесам, щебетала что-то тревожное, то ли собирая семью, то ли просто предупреждая друзей.

Солнце уже село, и только верхний его фитилик снисходительно освещал большое село, красиво разместившееся на взметнувшемся меж озер языке нетронутого ранее чернозема, выходящем из высокого взгорья и потерявшемся в буйных травах поймы широкой реки. Деревянные дома, покрытые шифером, образовывали солидные усадьбы с постройками для скота, банями и гаражами. Оставшиеся с колхозных времен несколько избышек только подчеркивали красоту и современность селения, в них доживали такие же ветхие старики и старухи, бывшие когда-то ударниками и стахановцами. Трехполосный флаг на бывшем сельсовете, едва видимый в вечерних сумерках, такого напора ветра не выдержал и раскроился на несколько лоскутков.

Одинокая машина ворвалась в улицу с большака, резко сбросила скорость и остановилась у сельской администрации. С правой стороны открылась дверца, молодой мужчина лет тридцати, с усами и портфелем, одетый в добротный черный костюм с галстуком, по-хозяйски вышел, глянул на флагшток и крикнул водителю:

— Игорь, завтра с утра замени флаг. Хрен его знает, хоть железный вешай, на неделю не хватает.

— Понял, Роман Григорьевич, сделаем.

Роман Григорьевич открыл дверной замок своим ключом, включил свет в коридоре и еще раз щелкнул ключами в двери с табличкой «Глава сельской администрации Канаков Р.Г.». Он еще не остыл после крупного разговора на совещании в районе. Обсуждали подготовку к выборам президента, глава района Треплев сам накануне вернулся из области и был настроен категорически:

— Такого позора, как в прошлый раз, мы допустить не можем, скажу больше: нам этого не простят. Тогда сняли двух глав, до меня очередь не дошла, на процент выше показатель. И мы освободились от некоторых товарищей, которые исподтишка смущали людей и допустили в урнах большой процент за коммунистов и прочих. Предупреждаю: такого быть не должно. Особо по тебе, Канаков. Папаша твой в коммунистических активистах — посади его дома, пусть кактусы растут, а с политикой и без него разберутся.

Роман усмехнулся воспоминаниям, даже улыбнулся: «Папашу дома посадить! Поди, попробуй, он так посадит, что до конца избирательной кампании чесаться будешь».

Выложив все бумаги на стол и спрятав портфель в шкаф, Роман пошел домой. Он уже привык и не замечал, как толково и складно устроил все отец Григорий Андреевич, расселив детей вокруг своего родового гнезда, и теперь крестовой дом его был на бугре над всеми тремя сыновними домами, точно так, как и он сам все оставался старшим и главным в большом семействе.

Григорий Андреевич Канаков, бывший колхозный и совхозный механизатор, потом бригадир полеводческой бригады, был мужиком крепким и рослым, столь с виду суровым, что даже трактористы его опасались. Поговаривали, что в первые годы вся его воспитательная работа сводилась к хряскому удару по шее провинившегося, от чего тот падал, а отдышавшись, всячески бригадира избегал. Потом Канаков вступил в партию. Агитировали его долго, все не соглашался, но ходил в библиотеку и дома ночами читал толстые книги Маркса и Ленина, предупредив библиотечаршу, чтобы никому ни звука.

Да и внешне Канаков был мужик завидный: густая шевелюра темно-

русых волос, крупные и правильные черты лица, прямой, не очень удобный взгляд серых глаз, видевший самые глубины членовеческой природы, и голос — властный, громкий и жесткий.

А вот дома для жены своей Матрены Даниловны не было человека удобней и внимательней. Дрова, ровненько наколотые, всегда грудкой лежали в теплых снях, две фляги воды для хозяйства всегда полны. Если надо муки в селницу принести и ведро — сходит и принесет, двухведерную кастрюлю заквашенной капусты до слова вынесет на мороз. Во двор Матрена выходила только корову подоить да малышей накормить-напоить: телят, поросят, ягнят, да и птицу тоже.

Канаков гордился, что родился именно на этом месте, что после войны и гибели отца полтора десятка лет кантовалась семья в завалившемся дедовском еще тереме, от которого уже не осталось украшений, и лестницу на второй этаж убрали еще при коллективизации, чтобы не злить партактив. В шестидесятые, когда немного окрепли после войны, выписал передовой колхозник Канаков красного леса через колхоз и срубил крестовой дом, развалив родительские гнилушки.

Дом рубили артельно, помочами, когда собирались все родственники и товарищи, хозяин сразу распределял, кто чем будет заниматься, чтобы не толкались без дела и не мешали друг дружке, как случалось порой на колхозной работе, а каждый бы знал своего напарника или место в стороне, если работа такая. Жену свою Матрену с сестрами поставил бревна шкурить, какие еще остались от каждодневной вечерней работы; эта работа несложная, под штыковой лопатой вся корка с сосны отскакивает. Четыре крепких мужика сочиняли обвязку, укладывали на чурки бревна-окладники влобхвата, вымеряли шнуром диагонали и дружно перемещали бревна, чтобы получился правильный угол. Ошибись они хоть на четверть — мука будет потом для строителей: и крышу не свести, как следует, тем более что мужики уже видели под сараем несколько стопок шифера, а под него крыша должна быть как ельчик. И с полами-потолками потом замаешься, клинья вшивать — позорное дело для путного плотника. Не зря говорили: кабы не клин да не мох, так и плотник бы сдох.

А как окладники врубили, стали примерять бревна, Филипп Киприянович, авторитетный строитель, бегал с «чертой», такое чудное название у приспособы, а без нее не обойтись. Положили бревно на окладник, лес справный, ловко будет паз вырубать, вот и ведет Филипп свою двупалую «черту», одним концом по верху окладник копирует, а второй черту проводит на верхнем бревне, да с обеих сторон. Еще с утра Григорий Андреевич вместе с мастером пошире развели «черту», потому что паз надо вырубать широкий, чтобы стена была толще, не продувалась, не промерзала, в Сибири живем, не на югах. Вот по этой черте и рубят потом паз мужики, сперва поперек насечки сделают, а потом садятся попарно на бревна, которые тоже на чурках, садятся в концах спиной друг к другу и пошли топорами хлестать. Топоры на круге точены, бруском правлены, волос положи — по обе стороны лезвия свалится. На такую работу самые толковые мужики садятся, потому паз получается как корытце для холодца, как желоб — округлый, чистый, и не вдруг скажешь, что топором рублен. Сошлись спинами рубщики — слзят с бревна, расправляют спины, а другие уже подхватили и на место поставили. Хозяин смотрит: как тут и было, спичку не всунуть, комар нос не подточит. Доволен: потом мох толстым слоем положим — красота!

В новый дом перетащишь ледовскую еще кровать, широкую, хоть вдоль, хоть поперек ложись, два старинных сундука с носильным барахлом, огромное, в полстены, зеркало, местами облупившееся, но красивое, старинное, с точеными завитушками по всей раме. Столько годков прожили с Матреной, вроде старались, а детишек все не было. Сестры Григория заговаривали, что порчена Матрена и потомства не даст, а если и случится, то непременно уродцы.

— Брось ее, Гриша, не будет у тебя семьи.

— Знамо, не будет, порча на ней, да и не в девицах, поди, и взял-то.

— Цыть все, пока по мордам не получили! Про Матрену худого слова чтоб больше не слышал. А ты, Евдинья, если сама до Проньки все бани спознала, по себе не мерий. Матрена со мной бабой стала, к тому же после свадьбы. Хотя какая там свадьба, так, одно названье. В аккурат с похоронами товарища Сталина совпало. Меня тогда чуть из партии не погнали, дескать, нашел время для гулянки и услады, когда весь советский народ в великом горе. А я как-то и не подумал, что моя женитьба с политикой спутается.

А в новом доме каждые два года приносила Матрена по парню, да все такие здоровые, что кое-как выпрастывались из материней утробы. А она, христовая, хоть бы крикнула раз, хоть состонала — верила, что для Гриши великая радость, и тем спасалась. Медичка прямо изумлялась: все бабы орут, мужиков матом круют, кланутся и близко к этому делу не подпускать, а эта только шепчет, если прислушаться:

— Для тебя, родной мой и единственный, для тебя терплю завещанное Еве, все снесу, а деток у нас будет полный дом.

Трех парней подряд, один в зыбке, другой на руках, а третий за подол держится. Сестры перестали дурить, на очередных крестинах Евдинья подняла стакан с бражкой, поклонилась Матрене в пояс:

— Прости нас, Матрена Даниловна, плохое мы про тебя думали, да и говорили мужу твоему, братцу нашему Григорию Андреевичу, не держи зла, а ребят рожай, коль Бог дает.

Григорий кашлянул, следовательно, надо помолчать:

— Бог, может, и дает, только я тоже соучаствую, потому решаю так, что надо отдохнуть, мать, этих сорванцов подрастить. А там видно будет по жизни, ежели все правильно в партии продумано, то не сей день, так завтра коммунизм наступит, вот тогда большое облегчение получится трудовому человеку, тогда и детей можно родить каждый год по паре, и каждый будет ухожен и обогрет государством.

В семье никто с Григорием Андреевичем не спорил, как не спорили и в совхозе, где он хоть и был на хорошем счету по работе, но начальство не особо привечало, потому что Канаков мог в любое время и на любом собрании выступить и прямо все назвать, как есть. Парторг с директором как-то об этой его странности говорили, и парторг, окончивший специальную школу КПСС, предположил, что не особо образованный товарищ считался классиком марксизма-ленинизма, искренне поверил всем партийным документам и сегодня предъявляет ко всем такие требования, какие вычитал в уставе и программе построения коммунизма.

На общесовхозном профсоюзном собрании Канаков прямо говорил о том, о чем матом выражались мужики и бабы на производстве, но молчали при большом начальстве:

— До каких пор скотные дворы будут отдавать на ремонт кавказцам? Видимо, до тех пор, товарищи, пока прокурор не увезет в «бобике» кого-

нибуду из прорабов или мастеров. Это же куда не годится: фермы промерзают, протекают, а у прораба дом растет каждый год на троестен в разные стороны.

— Ты тоже, Канаков, второй дом строишь! — крикнул мастер строительного участка Веня Чмокунок.

— Строю, и еще буду, потому что у меня три сына подходят. Но у меня, Веня, на каждый гвоздь бумажка есть, потому что я при социализме воспитывался, в котором прежде всего учет. Так, ты мне больше не мешай, — а сам продолжал: — По какому такому праву управляющий центральной фермой и два его бригадира, Попов и Горлов, двойной тракторной тягой подтащили через огорода к своим дворам добро лесного сена, а телятишкам совхозным шумиху ложат в кормушки? Все эти товарищи — коммунисты, но забыли, что коммунисты так не поступают.

Канаков не знал, что точно такое же сено притащили директору и парторгу, потому совершенно искренне обратился к руководству:

— Обращаюсь к руководству, чтобы прекратить это безобразие. Беспартийные товарищи на все это смотрят и видят, и говорят обидные слова: что ни коммунист, то начальник, что ни начальник, то вор. Требую: сено вернуть, а товарищей разобрать на партсобрании, чтобы до слез.

Парторг, волнуясь и запинаясь, под тихие смешки в зале пообещал товарищу Канакову, что необходимые меры будут приняты. Когда после собрания вышли на крыльцо, Филипп Киприянович шепнул другу:

— Гриша, ты пошто как дите малое? Ты разве не видишь, что они все за счет совхоза живут?

Григорий помолчал:

— Пока не вижу, что все. Узнаю — выведу на чистую воду.

— Ладно, пошли ко мне, у меня Варвара с ордой уехала к сестре в район, посидим. — Старый друг не стал напоминать, что Гришу давно уже по-за глаза «Чистой Водой» зовут в селе. Хозяин достал трехлитровую банку браги, ядреной, отстоявшейся, Варвара у Филиппа — мастерица что по дому, что по огороду, что в банки закатать, что в бочончке еще бабкином бражку поставить на пшенице.

— Мастерица, слов нет. А помнишь, когда брагу слили последнюю из бочонка, ты пшеницу на ограду высыпал, а куры наклевались...

Было такое. Размокшая пшеница сразу привлекла петуха, он подбежал к корытцу, долбанул носом, потом еще прострочил в нескольких местах, поднял голову кверху и издал мощный призывный клич. Куры — народ воспитанный, сразу кинулись исполнять команду, и скоро вросшее в землю кормящее корытце опустело. Но и с курами неведомо что стало происходить, они вдруг закудахтали, словно снесли по яйчку, потом стали с разбегу подлетывать, а кончилось все небывалой дракой, самый разгар которой захватила открывшая калитку Варвара.

— Я до смертыньки перепугалась: куры в кровь исхлестаны, с ног валяются и кудахчут, а петух лежит поперек корытца и рот открыт, словно издох. А потом винный дух зачуяла, поняла, что мужики над птицей погалились, — рассказывала она потом соседкам.

Сели за стол, хозяин нарезал соленого сала, пару луковиц очистил и раздавил — так положено, глазунью на большой сковороде поджарил.

— Григорий, я прямо дивлюсь на тебя, дивлюсь и не узнаю. Ты же нормальный мужик, делай свою работу, и пропади оно все пропадом! — воспитывал Филипп от электроплитки. Взглянул на гостя — сидит и ухом не ведет. Выпили по стакану, зажевали.

Григорий Андреевич долго обдумывал, что другу ответить. Ведь не один же он видит безобразия, все видят, но молчат или судачат позаугодно. Почему он встает и вслух говорит о том, что все знают? Не посчитают ли его дураком после этого или просто чужаком? Нет, вроде слушают и поддакивают.

— Филя, ты почему понять не можешь, что неправильно мы живем? Вот ты плотник, твоей работе цены нет, потому что с бревном — не с бабой, оно не пособит. Для совхоза дома рубишь, базы ремонтируешь. А чего тебе за это платят? И я тебе скажу: ровно столько, сколько прыщавой бухгалтерше в конторе. Разве так справедливо? Я, Филипп, как в партию вступил, стал специальные книжки читать и многое увидел совсем не так, как раньше. К примеру, читаю у товарища Брежнева, как и что должно быть с оплатой трудящегося человека: человек должен жить достойно, для этого и создавали советскую власть. Там, наверху, все понятно, а пока до нас доходит, все утрачено, вычеркнут и генеральную линию перевернут.

Филипп слушал молча, ему такие разговоры казались странными и ненужными, они ничего не меняли. А раз так — зачем говорить?

— Ишь ты! — возмутился Григорий. — Помалкивать, значит, а они будут жировать на нашем молчании. Филя, родной, пойми ты, что образовалась у нас в стране и у нас в совхозе такая (как бы тебе объяснить?), во! прослойка, которая вид состроит, что за народ и за партию, а думает только о своем животе.

— И что ты с ней собрался делать? — вполне серьезно поинтересовался хозяин.

Григорий вздохнул:

— Ума не дам, как быть, не должно, чтобы кто другой, поразумней меня, этого не понял. Я вот думаю поехать в район к самому первому секретарю, он, когда мне партбилет вручал, сказал, что я рабочий класс, на мне партия держится, ну, не на одном, конечно, чего ты лыбишься? Мол, надеюсь, что ты будешь настоящим коммунистом. Правда, он со мной на вы. А что такое настоящий коммунист? Я так понимаю: кто честно работает на благо, кто в семье достойно ведет сам себя, кто не уворует у государства и другому не даст, в случае чего выведет на чистую воду. Вот так вкратце.

Далеко уводят русского человека свободные кухонные разговоры о политике — еще пара стаканов, и он уже ощущает себя хозяином страны, и все, кто крутятся под ногами, ленятся лишний раз литовкой махнуть, лишнюю копну сена на стог подать, кто вместо пахоты заглушит трактор и проспит смену в кабине, а утром отвернет какой-нибудь болт и объяснит без зазрения, что из-за поломки простой случился — лоботрясы и умом дети малые. Вместо того, чтобы всем миром... Особо достается в таких случаях местному начальству, которое себе отдельные дома стало строить, на совхозных легковушках баб и семейства свои развозят, сенов не косят, а бескормицы не знают, бычков в совхоз на откорм сдают, а мясо со склада, да не по себестоимости, а как на общественное питание. Помаленьку выходят и на самый высокий уровень, начинают разбираться с кремлевским руководством. Чаще всего ругают, что порядка нет, местные князьки выпряглись, живыми в руки не даются. И управы на них нет. Конечно, сразу вспоминают товарища Сталина.

— Да, суровый был мужик, но — иначе нельзя с нашим братом. И что ему досталось? Разруха, соха... Это же надо все разгрести. А тут Гитлер. После войны тоже добра мало, полстраны погорельцев.

— А Никита его взял и в грязь измазал за личность. Вот зачем, скажи, пожалуйста? Нет, Никита в вашей партии тоже много чего натворил.

— Филипп, что нагрязил, то правда, но вот уважаю Никиту Сергеича за сельское хозяйство, которое он первым увидел и об нем заботится. В Америку не поленился, съездил, нагляделся, теперь вот у себя кой-чего пробуем. Но, скажи на милость, зачем он дедушку из мавзолея выбросил? Ну, нашли культ, обсудили, разобрали, выговор ему не объявишь, и пусть бы лежал. Народишко ходил, глядел, жалел, потому как при Сталине... А он выкинул. Нехорошо.

Друг к этому относился спокойно:

— Себе алтарь готовил, думал, помрет, его всякой хреновенью натрут и в музей.

— Мавзолей, сельпо!

— Пусть в мавзолей, и будет лежать, медальками придавленный.

Григорий покачал головой:

— Не любишь ты, Филипп, партию и ее начальство, а это нехорошо.

В своей стране живем.

— Да, — сказал Филипп и выпил стакан браги.

2

Роман частенько возвращался из района поздно вато, но знал, что жена его Маринка уже все управила. Глава сельской власти хоть и имел приличную зарплату, но от домашнего хозяйства не отказался, держал корову с приплодом, парочку поросят, десяток овец, кур и гусей, гуси были с детства увлечением супруги. Все у нее получалось: посадит трех гусих ранней весной, под каждую подкатит по одиннадцать яиц, тогда уж в доме запрещено курить, одеколоном пользоваться, в ботинках наваксенных заходить. И выйдут в один день, как в сказке, тридцать три желтеньких комочка, забота и забава хозяйки с детишками. Конечно, во дворе управа на мужчине: навоз вывезти, снег из ограды убрать, сена из стога накидать в запасник, чтобы даже десятилетний сын Бориска мог скотиने разнести.

С Борисом получилось неловко. Рождение его совпало с двумя событиями, одно — государственного масштаба: Ельцина избрали президентом, другое — местного: ему, Роману Григорьевичу, бывшему совхозному парторгу, глава района Треплев Ермолай Владимирович предложил возглавить сельскую власть. В полупьяной эйфории от рождения сына и повышения с поддержкой приехавшего по такому поводу районного начальника Роман записал сына Борисом. Под холостяцкую закуску выпили бутылочку коньяка. Вечером его поджидал у калитки отец:

— И как же ты сына своего, первенца, внука моего единственного, назвал, сукин ты сын! Именем Бориса, продавшего партию и советскую власть! Как ты мог, мой сын, упасть в угодники?! — И отец хлестко ударил сына по лицу, тот ойкнул, захватился руками, но кровь пошла и через пальцы. — Забыли отцовское слово, сукины дети! Забыли, как в морду получать, ежели творишь неладное?! Переименуй завтра же, придешь и доложишь.

Отец широким шагом пошел к своему дому, сын долго останавливал кровь и дрожь в руках. Утром с постели поднял звонок, Треплев заинтересовался, как спалось одному, спросил, не заметил ли хозяин в доме чужой расчески: — Неловко без расчески, надо зайти, купить, да и в чу-

жом доме такую вещь оставить нельзя. Ничего, Роман, мне кажется, мы с тобой сработаемся. Ты с советами не лезешь, молодец. Есть новости?

Роман поделился:

— Ермолай Владимирович, вы же отца моего знаете, вчера мне выволочку сделал за имя для сына.

Треплев долго соображал:

— Что ему не понравилось? Как мы сына назвали?

Роман напомнил:

— Борисом, в честь президента.

Треплев опять задумался:

— И что тут такого? Борис есть Борис. Он что, не любит президента, он, поди, еще и против президента голосовал?

Роман старался смягчить разговор:

— Ну, как он голосовал, я не знаю, а вчера крепко сказал: никаких Борисов в нашей породе не будет. Меняй имя.

— А ты что решил? — Треплев икнул.

— Не знаю, — несмело ответил молодой папаша.

— Зато я знаю, — оживился Треплев. — Сменишь имя — ищи работу и с моей стороны не жди внимания. Все. — И положил трубку.

Имя сыну менять не пошел и к отцу на доклад не явился. Когда привез Ларису из роддома, пригласил братьев, подошел к дому отца. Мать вышла, видела, что сын побежал по родне, поняла: — Не заходи, Рома, не пойдем мы, отец сердит, в мастерской что-то колотит.

— Ты бы уговорила его...

— Рома, я в эти дела не лезу, да и он не любит. Отгуляйте, может, отойдет.

Но Григорий Андреевич с того дня не замечал старшего, мимо пройдет — как рядом с пустым местом, ни скажет, ни спросит. Зная отца, Роман назло не лез. Замирило их горе, когда вдруг потеряла сознание Лариса, и в районную больницу прилетали на вертолете врачи из области, сутки с ней возились, только этим и спасли. У постели больной дежурили посменно, отец молча пришел и бросил сыну:

— Иди поспи, я сутки пробуду.

С тех пор кое-как восстановились отношения, но что-то все-таки между отцом и сыном было, Роман это чувствовал. Однажды за столом, когда всей большой семьей отмечали Новый год, Роман подсел к отцу:

— Папка, объясни, ты почему такой стал?

— Какой? — уточнил Григорий Андреевич.

Сын стушевался:

— Чужой какой-то. В чем моя вина, скажи.

— Скажу, коли сам напросился. Мне эта власть не по душе, я секрета не делаю, а ты на моей родине и есть эта власть. Вот как мне людям в глаза глядеть и чего говорить, если вы все изнахратили, обещали золотые горы, про крестьянство наптели, народ вроде кинулся, а там шиш с маслом. Пособия люди месяцами не получают, пенсии тоже. Что это за власть, если она человека не видит?

Роман молчал. Да и что он мог ответить человеку, всю жизнь отдавшему сначала колхозу, потом совхозу в родной деревне, а при ликвидации получившему пять гектаров неизвестно где находящейся земли да «долю» в рублях, а те рубли в технике и скотобазах, которые в несколько дней приватизировали толковые мужики. Правда, среди удачливых оказался брат Никита, работавший в совхозе главным агрономом, его мужи-

ки пригласили возглавить крестьянское хозяйство, в которое сволокли все свои пай и доли в конкретной земле и технике. Получилось, что центральное отделение стало самостоятельным кооперативом, а Никиту стали именовать председателем. И над названием недолго думали: раз совхоз был «Кировский», значит, и кооператив таким должен остаться. На этом настоял отец, он член-пайщик, присутствовал на собрании.

Когда стали разбираться со структурой нового хозяйства, Никита вдруг предложил отказаться от животноводства:

— Вы все знаете, что молоко и мясо почти всегда были убыточными, но то государство давало дотации и покрывало убытки, а сейчас ждать нечего, каждый живет, как может.

Старший Канаков спросил с места:

— И какие у тебя предложения? Коров разобрать по дворам, как после войны? Или на колбасу и завтра же создать изобилие?

— Но другого выхода нет, Григорий Андреевич, — развел руками сын.

Григорий встал:

— Тебя какой подлец этому научил? Ты же вечно деревенский, деревня всегда на корове выезжала; да корову в пору русскому человеку священным животным сделать, как в Индии, а ты под нож! Ты сейчас рассуждаешь, как Гайдар с Чубайсом: это выгодно — наше, это убыточно — в расход. Если бы коммунисты так рассуждали, нам бы никогда из разрухи не вылезти. Ты теперь наш руководитель, должен свою голову на две половинки разделить, пусть одна экономит, а другая следит, чтобы от этой экономии людям польза была. Вопрос о скотине надо снять, он глупый и вредный. Новому председателю объявить внушение, чтобы обдумывал впредь свои предложения.

— Верно сказал, Григорий Андреевич, — встал с места Иван Лаврентьевич, когда-то лучшим механизатором был в совхозе. — Я по части скота поддерживаю. Ликвидируем, а людей чем занять, баб, то есть женщин? Никак нельзя без скотины. А еще вношу: ввести в правление Григория Андреевича, для порядку.

Народ зашумел:

— Верно!

— Избрать!

— Тут мы дали маху!

Пришлось вставать, за добрые слова поблагодарил, но сказал:

— Для правления и одного Канакова достаточно, а коли я есть отец и член партии, то контроль обеспечу, в чем и ручаюсь.

А когда первый урожай собрали, приехали перекупщики, молодые ребята на иностранных машинах, правда, изрядно поношенных. Зашли в кабинет, в котором в бытность парторгом сиживал брательник Роман, сели вокруг стола:

— Наше предложение такое: мы прямо у тебя в складах закупаем все товарное зерно, конечно, проверим качество, цена вот такая. — Старший написал на бумажке цифру и показал Никите. Тому цифра не понравилась.

— Нет, мужики, по такой цене отдать зерно — голыми останемся. Что я людям скажу?

Гости засмеялись:

— Ты о себе думай, начальник, а о людях партия и правительство позаботится. Имей в виду, я пошел по мизеру, могу накинуть, причем с

каждой тонны тебе копейка отдельно. Ладно, если цены будут, а если спроса не окажется — мы же не одни работаем, все связано, не будем брать зерно, и сиди с ним до весны. А людишки требуют, ребятишки голодные, женщины в пустые кастрюли колотят. Тогда как?

У Никиты ладошки вспотели, воткнулись в мозг слова о копейках, которые ему с каждой тонны. Гонит мысль, а она упрямо крутится. Сказал сломавшимся голосом:

— Назовите свою окончательную цену.

Старший опять пишет на листочке:

— Но это вместе с бонусом. Тебе сколько с тонны? Мы можем сейчас выдать, авансом, под расписку, правда, баксами, деревянных не держим. А остальное — как только зерно заберем, сразу фирму закроем, нас нет. Так что никакой проблемы.

Старший открыл дипломат, отсчитал нужную сумму, постучал по столу: расписку! Никита взял лист бумаги.

— Пиши: получено наличными от предьявителя... сколько там? Сумму прописью. Все, хлеб наш, деньги привезем, когда машины пригоним под зерно.

Гости поочередно пожали Никите руку и вышли. Он открыл ящик стола и сгреб туда деньги. Было стыдно и страшно. Выглянул за дверь — никого. Сложил деньги в папку с бумагами, которые всегда возил с собой и вышел.

Так опустил первый раз, позорно, стыдно. Была даже мысль сдать завтра в кассу как аванс от покупателей, но папку открыл, посмотрел на зелененькие бумажки и сник. Жене ни слова, спрятал в ящике для рухья, она туда не лазит.

3

Самый младший, Прохор, после института остался было в городе, открыли фирму, у отца денег занял для учреждения, сказал, что с первой сделки вернет. Григорий Андреевич усмехнулся: «На том свете угольками...» Но вышло еще проще: на первой сделке ребят нагрели, Прошку поставили на счетчик, с чем он и явился в родной дом.

— Ты мне по-человечески можешь объяснить, какой такой счетчик? Что ты такое натворил? Выкладывай, я все равно дознаюсь, — грубо спросил отец.

Сын неумело выкручивался:

— Попали мы, папка, на бандитов, они и товар забрали, и денег не дали, да обложили данью, надо к двадцатому привезти аванс, а к первому числу всю сумму.

— И сколько?

Прохор сказал. Отец ударил в стол кулаком:

— Подлец! А ну подойди сюда поближе. — Прохор сделал шаг вперед, отец щелкнул его по щеке: — Это тебе аванс. Щелкнул по другой: — А вот это — получка! Куда ты с нашенской мордой полез в коммерсанты, ты посмотри, какой там народ, по телевизору показывают — нет там ни одного нашего, кроме тебя, дурака. Вот и проучили. Пошел вон, будешь у Никиты скотником работать, это тебе самое то, станешь первым скотником с верхним образованием по федерации вашей.

Отец не знал, что Никита дал брату денег и тот съездил в город, погасил долг. Не с руки было Никите родного брата в скотники определять,

пошел к Роману за советом, и тот вспомнил о давнем товарище по партшколе Юрочке Пирожкове, умнице, остряке и гуляке, который вместо партийной работы пошел в торговлю и вскоре стал заведующим огромной продовольственной базой, занимавшейся снабжением Северов. У Юрочки перед праздниками все друзья машинами закупали деликатесы для себя, знакомых и даже для детских подарков от профсоюза. Недавно говорил с ним по телефону, все передрыги пережил, удержался, Москва базу приватизировать не дает: частники могут так вздуть цены на продукты, что все нефтяники разбегутся.

— Вези своего брательника, познакомимся, договоримся.

Проход Юрочке понравился, прошлись по складам, шеф советовал присматриваться, с каких товаров начать, чего в вашей деревне нет.

— У нас село, — поправил Прохор.

Юрочка раскатисто засмеялся.

Пришлось Роману поездить в район, поугovarивать то одного, то другого чиновника; в конце концов, оформили в аренду закрытый год назад сельповский магазин, большой, кирпичный, еще с купеческих времен лавкой был. Все трое пошли к отцу. Матрена Даниловна, увидев сыновей, поняла, что серьезное дело пришли обсудить, кивнула: «В горнице он», сама принялась собирать на стол.

— Здравствуй, папка, — почти хором выговорили мужики, отец повернулся от стола, отложил газету. Роман заметил: «Советская Россия», советовал же не выписывать, в органах все подписчики на учете. Оглядел сыновей, отложил газету, предложил:

— Ну, размещайтесь кто куда, раз пришли. У кого что стряслось?

— Почему обязательно стряслось? — недоуменно спросил Никита.

— Дак вы же по другому поводу не ходите гуртом; если вместе, стало быть, серьезное дело, а в наше время серьезное дело непременно неприятность, так что я готов, излагайте.

Говорить было поручено Роману:

— Мы знаем, папка, как ты переживал, когда Прохор попал в неприятность. Мы это дело закрыли, сейчас у тех ребят к нему претензий нет. Но надо же парню чем-то заниматься, да и не мальчик, жениться пора, а то один в доме, как этот...

— Ромка, я тебя еще в партторгах учил: отвыкай в речах большой разбег делать, говори суть дела, а то, пока ты последние слова говоришь, я первые уже забыл.

— Хорошо, — кивнул Роман. — Есть возможность открыть продуктовый магазин, помещение арендовали, с торговой базой договорились. Мы предлагаем, чтобы этим делом занялся Прохор.

Григорий Андреевич скинул очки, солнечный зайчик испуганно прыгнул от них на стенку:

— Прошку — в торгаши?! Как вам это только в ум пришло, чтобы Канаковы за прилавком карамельками торговали и деревенских баб обсчитывали? Ловко придумали! А я-то думаю, что Прошка на ферму каждое утро уходит, общественно полезным трудом трудится, а он полá в магазине моет, в торгаши готовится! Вот что я вам скажу, ребята: из вашего рая не выйдет ничего.

И тогда Роман вынул туза козырного, специально уговорил девчонок в архиве, чтобы такую справку выдали:

— Папка, а ты напрасно торгашей за людей не считаешь, я вот специально в архив ездил, несколько дней в бумагах рылся, а все-таки на-

шел, что прапрадед наш в начале девятнадцатого века числился по купеческой части и имел три лавки в волости. Вот, почитай.

Григорий Андреевич взял бумагу: точно, районный архив, «Канаков Демид сын Иванов в ревизских сказках за... годы числится по купеческой части, налоги в казну вносит исправно, владеет тремя лавками...» Печать, подписи.

Григорий Андреевич повертел бумажку, посмотрел на сыновей:
— А скажи, Роман, отчего тогда отец мой был крестьянин, а не купец?

— Какой же он крестьянин, если земли имел три сотни десятин, ты же сам говорил, да скота своего сотню и неизвестно, сколько перекупал у киргизов петропавловских? Возможно, просто сменили бизнес.

— Чего сменили? — не понял отец.

— Род занятий, — неумело поправился Роман. — Так что Прохор просто вернется к тому делу, которым когда-то наши родичи успешно занимались.

Григорий Андреевич еще раз повертел в руках бумажку, положил ее на стол и спросил:

— Какой магазин оформили?

— Каменный, бывший хозяйственный.

— Хорошее место, людное. Но сам за прилавок не лезь, найди девчонку попримичней. Обожди, я про главное-то упустил: а на какие вши ты собрался товар закупать? Теперь ведь фондов нет, по доверенности не получишь, кончился социализм.

Никита подсел поближе к отцу:

— Сейчас, папка, есть такая форма отношений, как дача товара на реализацию. Мы же в своем хозяйстве даем хлеб, мясо с последующим расчетом. Так и Прохор будет работать, пока на ноги не встанет. Конечно, мы с Романом на первых порах поможем деньгами. Что ты нам скажешь, папка?

Григорий Андреевич долго молчал, посмотрел на Прохора: вчера был ребенком, из института приезжал, как будто праздник привозил, и вот в торгаше собрался. Торгаше уже есть в селе, народ иначе как спекулянтами не называет, потому как цены такие, что дешевле в район съездить и купить. Опять же за куском мыла да кульком сахара не поедешь, вот и давят из бедного крестьянина...

— Не хочу я, чтобы и про нас такие разговоры были на селе, как про Инночку со Светкой. И бумажку, Роман, ты напрасно привез, не было у нас в роду торгашей, не должно быть. Но, коли дело так повернулось, то я даю согласие, но на условиях. Первое: водкой не торговать. Не дам народ спаивать. Второе: если увижу, что продаешь дороже, чем кто другой, — лавку прикрою. Позора не потерплю.

Никита вскочил:

— Да сегодня деньги только на водке и делают, папка, как ты не поймешь?! На карамельках, как ты сказал, прибыли не будет.

Григорий Андреевич тоже резко встал:

— Дак вы о прибыли в первую очередь думаете? А я думал — брата пристроить к делу, чтоб не болтался, и чтобы отец на ферму, в самом деле, не проводил. Мое слово последнее, а кто против, тот свободен, я тоже в ваших спекулянтских делах не большой охотник разбираться. И бумажку вы эту зря выхлопотали, вранье это. Все.

Братья вышли, не попрощавшись, потом Роман вернулся, кивнул

маме, что все нормально, а то будет беспокойиться, отец ведь ничего не скажет. Зашли к Роману, сели за стол под развесистой яблоней.

— Итак, что будем делать? — Роман выжидающе посмотрел на Никиту.

— А что ты на меня смотришь. Отец же сказал...

Роман аж привстал, наклонившись к братьям:

— Старик из ума выживает, неужели не видишь? И сколько мы будем на поводке ходить? И когда это кончится: чуть что — в морду. Мне четвертый десяток, сельский глава, а он в рыло.

Никита хохотнул:

— Да тебя он не тронет, это нам с Прошкой перепадает.

— Не тронет? Да на прошлой неделе у самого носа его кулак поймал! Сказал ему, чтобы он на партсобраниях поменьше выступал, ну остался коммунистом — это твое дело, но меня же Треплев за его пропаганду предупредил, могу вылететь, вот в очередные выборы наберут большевики треть голосов — пойду с Прошкой торговать.

Проход оживился:

— Вы все про политику, а как быть с торговлей? Без водки, в самом деле, навар не тот, ну по ценам легко всех обойдем, потому что я переписал на базе — крутить можно половину. Девчонок я присмотрю, чтоб по-симпатичней, не старье же собирать. Никита, ты помоги мне договора составить на оплату и ответственность.

— Помогу. Только ты вот что имей в виду: тебе налоги платить, отчетность и прочее. Я подошлю своего человечка, он тебе объяснит, как и что. И в договорах указывай зарплату в пределах минималки, остальное будешь в конвертах, как говорят, выдавать. И не обещай золотых гор, больничные там, декретные, отпуска.

— А как?

— А так, Проша, ты слышал, папаша сказал: социализм кончился.

4

К Роману Григорьевичу для подготовки к выборам приехал чиновник областной администрации, Парыгин Георгий Иосифович, аккуратный брюнет очаровательной наружности с выраженным желанием всеми руководить. С первой встречи Роману он не понравился, но уполномоченных не выбирают. Беседу за рабочим столом он начал с того, что Роману не надо беспокоиться о выдвижении кандидатов и всю свою деятельность сосредоточить на активной работе по линии своей партии, не давая возможности для пропагандистов и агитаторов других партий и объединений, в то же время делая вид, что перед законом все равны, в том числе и перед избирательным. Роман кивнул, но вспомнил, что в прошлые выборы, то ли президентские, то ли думские, он получил выволочку от Треплева за то, что разрешил коммунистам провести встречу с избирателями в Доме культуры:

— Ты бы для них еще посиделки организовал с пением революционных песен.

Роман недоуменно пожал плечами:

— Ермолай Владимирович, а как я мог им отказать?

— Просто! Проще пареной репы! Перекрыть отопление накануне — сами откажутся. Назначить на это время репетицию драмкружка. Отключить электричество. Видишь, сколько возможностей, и это я сразу, без подготовки.

Уполномоченный оживился:

— Прав Ермолай Владимирович, он хотя и партработник в прошлом, но суть нынешних перемен схватывает на лету. Видимость, дорогой Роман Григорьевич, чистейшей воды видимость равных прав и возможностей, а на самом деле жестко перехватить глотку всем, кто рвется к власти, кроме своих.

Роман хотел уточнить, что Треплев партработником никогда не был, просто на финишной прямой КПСС, когда уже все было ясно, и ядерные секретари райкомов уже подбирали места понадежней, на открывшуюся вакансию второго секретаря друзья и двинули Ермолая Владимировича по его просьбе. Потому что колхоз, который ему доверили несколько лет назад, уже стоял на карачках, и перспективы там не было никакой. Через год партию прихлопнули, но Треплев уже обзавелся связями в области и через несколько лет вернулся в райкомовский кабинет, но уже главой исполнительной власти. Хотел это Роман уточнить, но передумал, потому что боялся, откровенно боялся, что несколько лет работы парторгом ему могут припомнить и турнут с должности. А куда пойдешь? Не иначе, как к Никитке скотником.

— Вам надо собрать команду молодых людей, чтобы они за скромную плату чистили заборы. Что вы на меня смотрите? А, термин не понятен! Убрать все агитационные материалы наших противников! Ни одного портрета, ни одного призыва! Для встреч с избирателями мест приличных не давать под разными предлогами, а лучше избегать контактов с их представителями: уехал, занят, заболел.

Роман хотел возмутиться, но испугался своей дерзости и только пожал плечами:

— Задачу я понимаю, Георгий Иосифович, вот только встреч с населением боюсь, вопросов уйма, а ответ один: нет денег. Вы только посмотрите: детские не платим, бюджетники по три месяца ни копейки не видят. Трудно с людьми говорить.

Парыгин снисходительно поморщился, встал, закурил сигарету из красивой пачки («Кент», успел прочитаться Роман), встал у стола, медленно привставая на носки дорогих ботинок. «Дыбки делает», — не к месту вспомнилось, как в деревне называют это движение ребенка, который собирается сделать первый шаг в жизни.

— Дорогой Роман Григорьевич, я направлен в ваш район для обеспечения победы наших кандидатов. Вы меня провоцируете на откровенность — что ж, я скажу. Выборы мы выиграем, нам сейчас только этого не доставало, чтобы власть выбирало это быдло, не умеющее работать, умеющее только пить и бузотерить. Ваши селяне или сельчане — как правильно? — свергли бы и вас, и Треплева, потому что им нужна советская власть, аморфная, продающая национальное достояние, поощряющая бездельников и установившая всем одинаковую зарплату, на которую, извините, можно обновить только фуфайку. Мы же создаем общество, в котором каждый человек свободен, волен делать все, что позволяет закон. К этому стремится все человечество, а наш электорат надо убеждать. Да пропади она, эта агитация и пропаганда! Мы взяли власть, и мы теперь ее никому не отдадим!

Роман слушал и боялся возразить, хотя слова ловил уже на вылете. Мелькнула мысль, что в партийные времена не было столь страстных ораторов, просто необходимости не было напрягать голос и рвать сердце, люди и так все понимали. А тут... Георгий-то Иосифович, считай, почти как Ильич на броневишке.

— Роман Григорьевич, я только что вернулся из столицы, было довольно узкое совещание в администрации президента, достаточно сказать, что от области я был в единственном числе! — Парыгин многозначительно поднял указательный палец. — Ребята в администрации нацелены так далеко, как вам и не снилось, они видят Россию завтрашнего дня, с заводами-автоматами, с уникальными технологиями в сельском хозяйстве. Мощная банковская система, способная инвестировать в объекты любого масштаба. Мы сравниваемся и сроднимся со Штатами, и тогда никто в мире пикнуть не посмеет против России.

Роман тоже встал, достал и прикурил свою «Приму», подошел к книжному шкафу, нашел статистический справочник за 1982 год:

— Я с вами спорить не стану, только страной, против которой никто и пикнуть не смел, мы уже были, и, как видите, счастья это нам не принесло. Вот тут, — он показал книгу, — статистика по стране. Я когда-то готовился в аспирантуру, подковывался, но потом все пошло наперекосяк, а книги остались.

Парыгин сел на сильно продавленный диван, оставшийся еще от парткома, положил ногу на ногу, довольно картинно. Посмотрел на собеседника и засмеялся:

— Дорогой Роман Григорьевич, да вы так и остались большевичком, президента не любите, у вас даже портрета его нет, нынешнее время называете перекосяком, голосовать собираетесь за коммунистов...

Роман бросил на стол книгу:

— Я бы просил не передергивать, Георгий Иосифович, а если на то пошло, то это мое личное дело, за кого буду голосовать. И портрета президента у меня нет, потому что Треплев не дал, так и сказал, что у Канакова его все равно снимут.

Парыгин устало махнул рукой, опять сел на стул. Роман заметил, что у гостя дергается веко на правом глазу, тот даже несколько раз прижмал его незаметно платком:

— Действительно, это ваше право и ваше дело, за кого будете голосовать. Только я вас на берегу хочу предупредить: мы вас в свою лодку не пустим! Решительно! — Голос его зазвенел и набряк угрозой. — Мы в результатах выборов, в тех протоколах, которые вы привозите и тщательно переписываете для районной комиссии, на цифры будем смотреть, перед тем, как выбросить этот бумажный хлам, только для того, чтобы определить, наш человек сидит в самом низу вертикали или казачок засланный. Надеюсь, вы меня понимаете? И не вздумайте чудить. Я приеду к вам накануне голосования, уж больно вы меня заинтересовали. Говорят, у вас папаша в компартии состоит?

С трудом удержал себя Роман, кулаки сжал, но голосом не выдал:

— У нас, господин Парыгин, отцов папашами не зовут, за такое и на площади высечь могли в былые времена. И тоже, представьте, его право, мне он партбилета не отдаст.

Парыгин аж вскочил:

— А вы сами, дражайший Роман Григорьевич, к какой партии принадлежите? Нет-нет, про коммунистические убеждения я уже понял. А формально, как представитель власти? Вы в нашей партии состоите?

Роман кивнул.

— Я проверю. И вашу финансовую поддержку партии тоже посмотрю. Проводите меня до машины.

Уже из салона стального цвета «Форда» с нулями на номерных знаках он улыбнулся:

— Вы даже представить себе не можете, как я доволен нашей встречей, самым ее фактом. Вы редкое явление для нашей системы управления. Сегодня вечером буду говорить с Анатолием Борисовичем, расскажу, чем Сибирь радует, то-то повеселится мой московский друг.

5

Проход в торговлю ушел с головой, взял у брата в хозяйстве грузовичок с тентом и сам ездил на базу к Юрику, который сразу предупредил:

— На людях зови по отчеству, Юрием Алексеевичем, а в кабинете или еще где — просто Юриком, так мне нравится.

В магазине полки сколотили из хорошо строганных досок, прилавок, холодильники и морозилку купил у того же Юрика по сходной цене. Две молоденькие девчонки, сестры-двойняшки, Галя и Валя, только что школу окончили, в институты ехать — нет таких денег, и работы в деревне никакой. А тут услышали, что Канаковы магазин открывают, отправили отца к старшему, Григорию Андреевичу, они хоть и не ровесники, но работали вместе и по сию пору здороваются.

— Будь здоров, Григорий Андреевич. — Гость открыл калитку и остановился, увидев хозяина.

— Ты ругаться пришел, что ли, в воротах стоишь? Дак я не в том духе сегодня, чтобы чубы рвать. Заходи. Или сразу в дом? Дело какое или просто покурить? Говори, Артюха, не стесняйся.

Прошли под навес, сели на плетеные кресла, любил из прутьиков красоту вить старший Канаков. Артем осмелел:

— А нам какого рожна смущаться, мы не воры и не разбойники, честно жили и так бы продолжали, если бы не пятнистый.

— Артем, ты меня избавь от такого разговора, а то я опять ночь спать не буду.

— Понял, молчу. Прослышал я, Григорий, что вы с ребятами магазин начинаете.

— Стоп! Это кто тебе такое сказанул, что я в этом магазине участвую? Артем оробел:

— Не то сказал, не серчай, хотел попросить тебя девок моих пристроить. Надо, чтоб они за зиму какую копейку заработали, чтобы поступать ехать, а там будем как-ниабудь извертываться. Школу прошли, обе как ударницы, а дальше некуда, средств нет. Было на книжке, все копил, думал учить их в городе, а оно вишь как, скукарикали денежки... Ну, понял, не будем об этом. А про девок мне с кем дело иметь?

Григорий Андреевич помолчал, соображая, как ему себя повести. С одной стороны, к торговле никоим образом приклеиваться нельзя, с другой — Артему помочь надо, куда он пойдет? И Прошка тоже не сообразит, может и отказать.

— Давай так, Артем Сергеич, я вечером с сыном переговорю, а ты утречком забеги. Чай пойдешь пить?

— В другой раз, спасибо, Григорий Андреевич, на добром слове.

Вечером отец пошел к Прохору. Не славно, конечно, что мужик уж настоящий, а все один, хозяйки в доме нет; только мать на стол наставлять начинает, Прошка уж тут, без спросу, без приглашения. Раз не утерпел Григорий Андреевич, ложку положил:

— Обожди, Прохор, пусть суп остынет, больно горяч.

Хозяйка сунулась с объяснением:

— Дак с плиты сняла, оттого и горяч.

— Я, кажись, не с тобой. Прохор, я гляжу, тебе такая жизнь глянется, выпался неизвестно с кем и где, натетешкался, вынежился, у отца в доме без приглашения за стол упал, наелся и вперед. Ты только что в туалет ко мне не ходишь.

Мать аж всплакнула:

— Отец, да разве объел он тебя?

Григорий стукнул кулаком по столу:

— Ты способен на вопросы отвечать или мать за тебя будет отдуваться? А ты не встревай, не доводи до греха! Или тебе, сынок, подзатыльник вломить, чтобы в сознание вошел? Я хочу знать, собираешься семью заводить или нет? Если нет — дом продам к чертовой матери и деньги Зюганову отправлю.

— Отправляй! — Прохор встал со стула.

— Сядь! — рявкнул отец. — Ишь, моду взяли, чуть что — в сторону. Сядь! И слушай меня внимательно, сынок, потому что я дважды повторять не умею. Если к октябрьским праздникам не соберешься, я так тебя ожою, тогда уж точно век будешь отца помнить.

Прохор улыбнулся:

— Нету, папка, теперь таких праздников.

Матрена Даниловна и охнуть не успела, как Григорий хлестко ударил сына по шее, встал, зашагал по дому из кухни в горницу, дважды прихватил макушкой верхний косяк, вовсе обозлился:

— Сопляк, в моем доме ест-пьет, и мне же в оппозицию, праздников таких у него не стало! Утрись, не убил, я пока еще не Тарас, — повернулся к жене. — Ишь, волю взяли, а кто тебе, дураку, образование дал? Кто мать твою спасал, когда на эроплане хирурга привезли. Молчишь? Дак я за тебя отвечаю: советцка власть. И при мне такие разговоры зажми, куда хошь язык засунь, но помолчи. Все, обед испоганил, засранец. Но слово мое помни. А теперь иди, я отдыхать буду.

В тот же вечер, после разговора с Артемом, пошел к Прохору. И не с руки, вроде, в дела сына вмешиваться, но опять же просьбу человека надо уважить; известно ему, каково сегодня содержать двух девок, да у Артюхи, кажись, акромья есть. Прохор или в окно увидел, или сердце подсказало — на крыльцо выскочил:

— Проходи, папка, давно не бывал.

Григорий остановился посреди большого двора — тишина и чистота, корова не замычит, поросенок не хрюкнет, курочка не скудахчет — ничего нет, по-городски живет сынок.

— Дело у меня к тебе. Ты Артема Сергеича знаешь, в МТМ работал раньше, хороший мужик. У него две девчонки, двойняшки, запоматовал, как зовут. Окончили школу, а дальше некуда, финансы не позволяют. Так вот, был у меня сегодня отец, просил, чтобы ты их продавцами взял. Я обещал походатайствовать.

— Ладно, папка, я подумаю и скажу тебе.

— А чего тут думать? Надо помочь человеку, девки они должны быть смышленные, мать их толковая женщина, Артюша-то поскромней будет. Так берешь или нет?

Прохор помялся:

— Пусть завтра к девяти в магазин приходят, порешаем.

— У-у-у, мерзкое слово, и откуда ты их нахватался: «Порешаем», стратеги хреновы. И не вздумай отказать! — Повернулся к калитке и краем глаза заметил — колыхнулась шторина. «Губу раскатил: сыновье сердце учуяло! Баба у него в постели, вот и вылетел на крыльцо! Женить надо подлеца, того и гляди истреплется».

6

Дом Прохору рубили всей семьей, когда он еще на практику приезжал в совхоз под руководство родного брата. Старший Канаков лично ходил на склад, отбирал нужные плахи, тесины, все аккуратно укладывал в сторонке, звал кладовщика и велел замерить с точностью. Тот в первый раз заотнекивался; мол, забирайте, Григорий Андреевич, а я на ремонт фермы отпишу потом. После первого же такого предложения Канаков ловко поймал его за грудки, подтянул к себе и в самое лицо выдохнул:

— Ты кому такую мерзость предложил, рыло твое немытое! Ты думал, раз сын мой тут председатель, значит, я могу себе семь тесин на гроб и без счета взять? Ишь, ты, расшиковались! Всех надо выводить на чистую воду! Я тебя чего-то не могу признать, ты не наш деревенский будешь?

Мужик отряхнулся, на всякий случай на шаг отступил:

— С Казахстана я, жена тутошняя была, да не пожилось на новом месте, в прошлом году убралась.

Канаков сообразил:

— Дак ты Любы Москвички мужик будешь? Помню ее молоденькой еще, все в Москву собиралась, вроде как приглашают ее в артистки. Понятно, никуда она не уехала, так Москвичкой и осталась. А потом в Казахстан подалась. Да, слышал про твое горе. Ну, ты не сердчай, я тут погорячился малость, а кубатуру до грамма замерь, я проверю. И еще ответь мне: отпускаешь без документов, бывает, что начальство велит? Говори, я все едино прознаю, хуже будет.

Мужик огляделся по сторонам и шепотом почти на ухо:

— Прораб больше велит, он потом и концы сводит.

Григорий Андреевич хохотнул:

— А директора ты не выдашь? Он у тебя ангел.

— Зачем буду на человека наговаривать? Новой раз черкнет гумажку то на брусочек, то на плаху человеку. Тогда отдаю, а так — нет.

— Ладно! После обеда подойду, накладную напишешь, я рассчитаюсь и вечером ребят отправлю на своей самоходке, заберут.

— Зачем? У меня вечером машины придут с паклей, загрузим и привезем.

Канаков хотел рявкнуть, но воздержался, только пальцем погрозил:

— Ну, ты меня еще поучи!

В серванте он безжалостно выбросил из ящика годами хранящиеся вилки, ложки и ложечки, чайные ситечки, бронзовые подстаканники, которые еще на свадьбу им с Матреной подбросил кто-то из родственников. Навалил полную коробку и позвал жену. Та со слезами села на стульчик:

— Гриша, и чем оно тебе все помешало?

— Не помешало, а всякая лишняя вещь в доме атмосферу портит. Но это я кстати. Весь этот хлам, будь моя воля, вывез бы на помойку и не ахнул. Но ты же под колеса ляжешь. Потому прошу указать, в какое ме-

это поставить коробку, чтобы ты при случае могла выволочь на стол вот эти подстаканники и потосковать. Мотенька, их уж лет тридцать не пользуют, отдай в школу, говорят, там музей собирают.

Матрена брала по одной вещи из коробки и чуть не плакала:

— Гриня, вот эти рюмки нам подарила матушка твоя, вечная ей память! Они старинные, ты посмотри, какое стекло, как хрусталь. А ложки, Гриня, мы с тобой покупали в первый год, в город ездили, я беременная была Никиткой, ты еще шофера ругал, что трясет на кочках. А стаканчики, стаканчики, Гриша, ты же привез, когда в Москву на выставку ездил. Тогда такие тонкие мало у кого были, мы любили из них морс пить и молоко парное. Неужто тебе не жалко такую память выбрасывать?

Григорий приобнял жену и вдруг подумалось: когда же я ее вот так просто обнимал? И стало неловко, стыдно за себя:

— Мотюшка, ты не серчай на меня, я же не со зла. Конечно, надо сохранить, потом будешь внукам и правнукам показывать. Это же только нам с тобой дорого, позови любого из внуков — засмеют нас с этими стекляшками. Ящик мне нужен для документов. Все квитанции на Прошкин дом в папке, уже вываливаются.

— И к чему ты их хранишь?

— Не хочу потом глазами перед народом моргать, когда спросят, на какие шиши дома понакатал, Григорий Андреевич? Вот тогда-то я бумажки эти и выложу, как козырных тузов.

Матрена все любовалась посудой, протирала фартуком залежалое стекло, помутневшие тяжелые вилки и ложки. Подняла глаза на мужа:

— Кто с тебя спросит, кому это надо? Два дома поставили, и никто ни разичку ни одну бумажку не требовал.

Григорий даже обрадовался:

— Потому и не вязнут с ревизий, что знают: у Канакова в учете полный порядок, он сам кого хочешь на чистую воду выведет. Куда приданое твое поставить? Может, в подпол спустить, там у меня на полках места много.

7

Как-то зимой привез Никита отцу путевку в пансионат для пожилых людей. Время послерожественское, морозы завернули настоящие, ночи звездные, чистые, тихие, днем чуть дымкой подернется горизонт, и три солнца образуются на промерзшем небе. Григорий Андреевич хоть и крещен был, но веры не знал, в церкви ни разу не бывал, а вот такие явления его смущали. Слышал где-то, что сие бывает к худу. Под худом все понималось самое нежеланное, он все вспоминал деда своего Корнилу, как тот рассказывал домашним:

— Сплю я на спине, это привычка детская еще, потому и храплю столь сильно, что вынужден уйти в избушку. А по-иному не умею, лягу на бок — жмет, на другой — упеть неловко, на брюхе спать нельзя, из всякого зверья только свинья на брюхе спит. Ну, вот ночесь сплю вроде и не сплю, потому как есть кто-то в избушке, акромья меня. Чуть полежал, вроде курнулся, а он меня за шею ручищами ухватил и душит.

— Кто? — выдохнула молодая сноха, а сама со страху едва на ногах держится.

Дед Корнила перекрестился и говорит тихонько, как бы одной снохе своей:

— Это, дочка, не след вслух произносить, но тебе скажу: дедушка-суседушка приходил.

— Чей, дедо? — спросил младший внук.

— Ну, знамо, наш, нашего дому хозяин. Я, когда дом этот поставил, а до того мы со старухой, ей тогда и осьмнадцати не было, вот в такой же избушке при тятином доме жили. Никто, конечно, не прогонял. Сами изъявили, потому как молодняк, один грех на уме. Вот и поставили мы с тятьей дом, он большой хозяин был и дом заказал рубить о двух етажках. Два года только на молитву останавливались плотники да на паузну, потому как о лесом робить, это не из чашки ложкой, а труд шибко трудной. Когда дом готов, освятил его священник, и надо в дом вперед всех приглашать хозяйина, суседушку. Тут и вышла у нас с тятьей разногласия: если я поведу дедушку, в отцовском-то дому кто останется? Так не положено. И тогда старики сказали: «Корнила, бери икону, кланяйся в своей избушке во все углы и приглашай суседушку, уж коли вы тутака с женой прожили уж больше года, должен у вас завестись свой хозяин». Я и пал на колени: «Дорогой мой хозяин, выстроил я тебе хоромы великие, не чета этой избушке, приглашаю тебя в тот дом хозяином и буду всякий раз пишчу и питие всякое ставить тебе в подполе». Слышу, где-то скрипнула плаха, пошел тихонько к дому, дверь отворил и жду. И что вы скажете? Прошел мимо меня, даже ветерком охватило, крышкой сбрыкал и в подполье. Так с тех пор и живем. А как я в избушку ушел, да и Лукерьюшку мою схоронили (царство ей небесное!), и стал он ко мне являться. Бывало, рядом сядет, надо, чтобы я чего-то рассказал. Я и сказываю всякие истории из жизни. Новой раз рукой проведу — тут сидит, и мохнатый весь, чисто тулуп вывернул и надел.

А душить он меня принимался не единожды. Подобно тому, гневается, что из дома ушел. Я ему как-то и присоветовал, мол, коль изба маленькая, так ты направь ко мне внучка своего. В ту ночь он меня и прижал, да так тяжело, что я уж с белым светом прощаюсь. А надобно в это время спросить суседушку, к худу ли к добру?

— Как это спросить? — опять интересуется сноха.

— Дедушка-суседушка за просто так давить не станет. Значит, хочет чего-то сказать. Вот ты и испроси: к худу он к тебе пришел или к добру? В этот раз я едва выговорил, он сразу отпустил и сказал ясно: «К худу!» Так и вышло. На другой день война началась с Гитлером, отец ваш, Андрей Корнильевич, ушел и не вернулся...

...Вечером пошел к Никите:

— Отдай бумагу доброму человеку, пусть едет, а я останусь дома.

Никита возмутился:

— Папка, я эту путевку оплатил, она уже и заполнена на тебя. Чего ты заупрямился? Дома работы никакой, маме поможем, будем утро-вечер навещать. Да и срок там — две недели.

— Только две? Вот, сволочи, и тут обманывают народ! Мотя, ты пять лет подряд после операции в Кисловодск ездила, на сколько дней?

А сам сыну кивает, дескать, слушай.

— На 24 дня. А у тебя?

— Да не у меня, а у них, у демократов, новых хозяев жизни: две недели! Попробуй, полечись!

Никита засмеялся:

— Ты же только что ехать не хотел, теперь тебе двух недель мало.

— Конечно, мало! День приезда пропал, день отъезда тоже пропал.

Итого — двенадцать дней, ровно половина от советской путевки.

Никита возмущился:

— Папка, да я тебя раненько утром на своей машине отправлю...

— Стоп! На какой это на своей? Мало того, что твоя женушка по выходным из нее не вылезает, так ты и отца родного хочешь в этот позор загнать? Машина не твоя, а совхозная, кооперативная, и шофер совхозный. Зарплату получит и командировочные за то, что папашу начальника на курорт отвезет? Да я пешком уйду, только избавь меня от этого!

Никита встал:

— Хорошо, я сам увезу тебя на личных «Жигулях» и оформлю этот день как отпуск за свой счет.

Григорий Андреевич вскочил с места:

— Вот это правильно, молодец, сынок. И другие пусть видят и знают. Тогда я согласен.

В пансионат они приехали рано, автобус из областного центра, где собирались отдыхающие, еще не пришел. Никита договорился, что отца поместят в двухместный номер и соседа ему подберут спокойного и не очень старого, чтобы они могли поговорить. «Отец это любит», — добавил Никита и поставил с боку кресла регистраторши пакет с гостинцами. Та понимающе кивнула и велела помощнице проводить гостя.

Комната Григорию понравилась: стекла не застыли, видно двор, все еще стоящую в центре высокую елку, тепло, есть горячая вода, душ, туалет.

— Ладно, Никитка, поезжай, маму успокой, что все в порядке. За Прошкой смотри, а то у него каникулы опять до майских праздников затянутся.

Через час в комнату постучали, вошел мужчина средних лет, поздоровался, представился Николаем, познакомились. Разложил свои вещи, вынул из сумки икону, поставил на свою тумбочку.

— Григорий Андреевич, вы не против иконы?

Григорий пожал плечами:

— Да нет, не против.

— Вы, должно быть, крещеный человек, судя по возрасту?

— Говорила бабка, что крестили, но на том все и остановилось.

— В церковь не ходите? Хотя бы просто так, из интереса.

Кананов кашлянул: вот послал бог соседа: пожалуй, из секты, их много теперь развелось, он читал в «Советской России». Сам для себя решил: начнет дальше гнуть свою линию, вроде как вербовать — попрошусь в другой номер. Искоса поглядывал — нормальный мужик, борода аккуратная, волосы длинные. «Э-э-э, — подумал Григорий, — дорогой, а не попли ты?» Решил выяснить сразу:

— Вы, конечно, извините, если что не так, вы, случаем, не поп?

Николай улыбнулся:

— Вы совершенно правы, любезный Григорий Андреевич, я православный священник, служу в небольшом храме в городе. Надеюсь, что мы подружимся.

Григорий опять кашлянул:

— Сомневаюсь, что мы с вами друзьями сделаемся, но, думаю, две недели друг другу перетерпим.

Николай сел на свою кровать:

— Меня несколько удивляет ваша уверенность, что не подружимся. А что нам может помешать? Я не буду вас склонять к вере в Бога, ибо это или дано, или нет. Вот вы атеист, то есть не верите в Бога. Это ваше пра-

во. Я верю, и это мое право. В остальном, я думаю, мы найдем компромиссы?

— Чего найдем? — не понял Григорий.

Николай опять улыбнулся:

— Давайте так договоримся, Григорий Андреевич, мы здесь просто отдыхающие, будем принимать процедуры, гулять, насколько погода позволит. Вы не боитесь мороза?

У Григория чуть что-то резкое про мороз не сорвалось с языка, но вовремя поймал:

— Я крестьянин, мне морозы пережить нельзя, каждый день упрява со скотом, так что мы привычны.

— Тогда мы сойдемся. Я перед Рождеством занемог, весь потерялся, едва Крещения дождался. Трижды окунулся во иордани и, представьте себе, воспрянул.

Григорий вспомнил:

— Обождите, в Крещенье был сильный мороз, я даже скотину не гонял на прорубь, флягами воду возил и в бане грел.

— Стало быть, вы ни разу не купались в Крещение?

— Тонуть зимой доводилось, а чтобы сам — нет, не купался.

8

На второй день Канаков совершил обход пансионата, и уже через несколько минут у него появилось ощущение, что он когда-то тут бывал. Вот эта стайка берез, одевшаяся в куржак, очень знакома, только почему-то березки стали выше и пушистей. И отвесный берег к застывшей под снегом реке тоже показался знакомым. А потом Григорий вышел на задний двор и улыбнулся: точно, бывал, дочка Никиты Лизанька была тут в пионерском лагере, а он за ней приезжал на новеньком «Москвиче», только что полученном от ВДНХ за показатели по урожайности.

Пионерский лагерь новые власти прихлопнули, понятное дело: нет пионеров — зачем лагерь, Канаков вздохнул: сколько глупостей наворочили, прикрыли детскую организацию. Что в ней было плохого? Речевки про Ленина — уберите, если у вас аллергия на этого человека, но организацию оставьте! Как красиво ходили ребятишки строем да с песней на Первомайском празднике, в День Победы. Любо посмотреть. Глядел каждый и радовался: такая смена растет, умные, красивые, нарядные. Он и тут, в лагере, налюбовался, как прощальную линейку проводили, сколько красивых слов сказали. Лиза всю дорогу дедушке рассказывала, как весело они жили, как вкусно кормили в столовой, какие костры они жгли на огромной поляне и песню пели: «Взвейтесь кострами, синие ночи...»

В корпусе подошел к дежурной, женщина немолодая, можно поговорить. Оказывается, она работала в том лагере воспитателем, он в восьмидесяте годы стал круглогодовым, тут ребята и отдыхали, и основные предметы изучали, чтобы не отстать от программы. А потом свернули, оставили только три смены летом, но через два года закрыли совсем, вроде бы купил его прокурор города, начали перестройку, собирались устроить базу отдыха для состоятельных людей. Один корпус даже перекроили на одноместные номера с двухспальными кроватями. Но кто-то вмешался, прокурора быстро перевели в другую область, а всю базу забрало управление социальной защиты. Вот теперь пенсионеры в основном приезжают, потому что подешевле и лечение есть.

— Скажи, любезная, отчего путевки такие дорогие? Ведь нельзя сказать, что тут такой комфорт.

Дежурная посмотрела на него внимательно, словно определяя, можно ли говорить, наклонилась через столик:

— Вам скажу, почему-то доверяю, что не продадите меня. База эта частная, а хозяин — заместитель губернатора, и вроде как государство у него арендует.

Канаков покачал головой:

— И вывести их на чистую воду некому. Ладно, извините за беспокойство, пойду погуляю перед ужином.

Тяжелые думы теснили в его изболевшейся голове. Как могло случиться, что сменились люди у власти, и все пошло к смерти? И раньше менялись: умер один генсек, принимает второй, но в стране-то ничего не меняется! Заводы дымят, сев идет и уборочная. Понятно, что кто-то соболезнует, жалеет, кто-то зубы скалит, такой огромный народ, всякие людишки попадают. А тут что? Откуда они взялись? Опять же Ельцин. Был первым секретарем в Свердловске, говорят, еще тогда талоны на мясо вводил. Ни хрена область не работала, а он погуливал. А потом бац! — в ЦК, потом на Москву. Разве не видели, что он за птица? Почему я за день могу определить, будет из парня механизатор, или так, только рычаги дергать, а они там такой мощной компанией, всем Политбюро — не разглядели. А может, не хотели разглядеть, может, знали, что за кот в мешке? Специально поближе к центру перетащили, чтобы в нужный момент вытолкнуть на танковую броню. Нет, не хватает ума, чтобы объять все эти события. Тут бы в своих домашних не запутаться. За Никиткой нужен глаз да глаз, у такого корыта его посадили, все в руках, а хватит ли духу это испытанье пройти? Ромка тоже нарасшарагу стоит, Треплев его сломит, и ляжет под него сынок, будет исполнять барскую волю, а народишко — как хошь, так и живи. Прошкина торговля поперек горла Григорию Андреевичу, и вся жизнь его вольная. Женить его не удастся, он волю зачуял, теперь при деньгах, больше в городе трется, да и тут потаскивает каких-то, народ видит. Лишь бы на тюрьму не наскочил с какой-нибудь лярвой: обвинит в насилии, трусики в целлофановом пакете в прокуратуру притащит, и останется Прошка голяком, а то и поедет тайгу допильвать.

9

Вечером заговорил с Николаем:

— Я тут карточку вашу случайно посмотрел, вы, получается, совсем молодой человек, в сыновья мне годитесь. Вот вы про веру говорили, это я понимаю, у меня тоже есть своя вера, я коммунист. Во что я верю, мне все понятно: все люди равны, все люди братья, надо честно трудиться на благо общества, и общество тебя отблагодарит достойной пенсией, вот этой же путевкой, только тогда, при социализме, она стоила копейки. Коммунисты хотят счастья для всех людей на земле. Вот моя вера. А твоя? Ты учился в советской школе, наверное, институт закончил. Расскажи свою биографию, и я буду знать, кто ты есть на самом деле.

Николай долго молчал, Григорий подумал даже, что он вообще не хочет эту тему шевелить, но все же заговорил:

— Да, я окончил среднюю школу, в институт не поступил, потому что сразу призвали в армию. Служил неплохо, был комсомольским активис-

том, даже предполагалось, что после срочной экстерном сдаю экзамены в Ульяновском среднем политехническом училище и служу по политчасти. Но случился Чернобыль. Нас подняли ночью и привезли на объект. Никто ничего не знал, даже офицеры. Солдат бросали туда, куда гражданские просто не шли. Мы работали месяц, потом госпиталь, комиссия и домой. Умирать. Я к тому времени уже хорошо понимал, что с моим организмом. Доза, которую мы получили, с жизнью не совместима. Дома мама, отец, они очень умные и грамотные люди, пытались мне помочь, но все понимали, что помочь уже ничем нельзя. И однажды ночью я ушел из дома. На окраине города был монастырь. Я не знаю, что меня туда привело. До этого я ни разу не был в этом монастыре. Меня приняли, подготовили к исповеди, я все рассказал. Старый монах, который меня исповедовал, сказал, что надо молиться и просить Бога о спасении. Надо думать, он не имел в виду мое физическое состояние, он говорил о спасении души. Меня причастили и увели в келью. Это после монах Тихон сказал, что он попросил поместить меня отдельно от других послушников. Я стал читать молитвы, конечно, до того не знал ни одной. Отец Тихон дал мне Ветхий и Новый Заветы с параллельным переводом со старославянского на современный русский. Я не спал и почти не ел, скоро стал понимать старославянский, стал ходить на службы, потом и на работы. В это время во мне произошло странное разделение жизни физической, жизни тела, и понимания жизни души. Я не знаю, как это объяснить, но я перестал бояться смерти, потому что уже почувствовал жизнь души, и о ней заботился больше, чем о теле. Так прошел год. Я обратился к отцу Тихону с просьбой постричь меня в монахи. Он отказался. Он сказал, что я не создан для монастыря, во мне сильно физическое, человеческое начало, он даже допустил такую фразу: «Насколько я тебя понимаю, ты человек общественный; если ты действительно хочешь служить Богу, тебе надо идти в храм, к людям». И я пошел. По рекомендации отца Тихона меня взяли в церковь Николая Угодника псаломщиком, потом рукоположили в дьяконы.

— Прости, что перебиваю, дорогой мой, а болезнь твоя?

— Я о ней не думал. Да, плохо кушал, мало спал, но это освобождало дорогое для меня время молитвы. И я молился до службы, после службы, ночью. Это великое блаженство: говорить с Господом на языке молитв, которые он знает. Святой Николай, а вы должны знать, что он был епископом в Мирах Ликийских и сильно страдал за веру свою — так вот, он стал моим покровителем, я часто обращался к нему. Еще год прошел, приехал к нам владыка, управляющий епархией, захотел со мной встретиться. Долго мы проговорили, и он предложил мне приход, вот эту небольшую церковь, раньше она была при духовном училище. Очень хорошо сохранилась; вот и служу.

— А в Бога-то, в Бога как поверил?

— К Богу много путей, самый верный — когда семья верующая и воспитала ребенка в вере. Это скорее относится к старому, досоветскому времени. Теперь такое редко, разве что в семьях священников.

— Обожди, Николай, какие семьи, вам же нельзя жениться, запрещено.

Николай улыбнулся:

— Монахи — да, они отрекаются от всех благ земных, от богатства, от женщины, от семьи, это слуги Господа, воистину праведные люди. Есть путь через знания, когда великие люди, ученые высокого уровня вдруг все оставляли и уходили в монастыри, либо жизнь и взгляды свои круто

меняли. Помните, был такой Дарвин, убеждал, что человечество произошло от обезьяны. С ним даже казус случился. Когда он опубликовал свою работу, мир пошатнулся, Дарвин стал знаменит: еще бы — ниспровергатель Создателя. На балу к нему подошла красивейшая дама общества и громко спросила: «Мистер Дарвин, неужели вы, глядя на меня, станете утверждать, что я тоже произошла от обезьяны?» Хитрый Чарльз ответил: «Да, мадам, только от очень красивой». Так вот, прошло время, теория уже охватила мир, а сам ученый вдруг понял, какую глупость сморозил, отрекся от своего учения и остаток жизни молился.

— Тогда остается, что Бог слепил человека из глины?

— Я не вдаюсь в детали, я знаю одно: человека создал Господь, а потом понял, что создание несовершенно, наказал вероотступников и послал на землю сына своего Иисуса, дабы он показал людям пороки их, взял на себя все грехи людей и взошел на крест. Он принес обновленную веру, и предки наши, славяне, приняли ее как свою.

— Но Иисус был еврей, и вера его еврейская, как это впарили ее славянам? У них же были свои боги?

— Языческие. Но уже тогда были люди, понимающие, что народ должна объединять идея. Христианство — это мощнейшая философия, и грамотные люди, изучив ее, приняли как свою. Иисус предупредил, что в вере нет ни евреев, ни эллинов, никаких других наций, все отменяет вера в Господа, и все люди равны, все имеют одинаковые права.

— Обожди, тут мы с тобой сходимся, что люди братья.

— Дорогой мой Григорий Андреевич: ваш моральный кодекс строителя коммунизма полностью списан с Христовых заповедей.

— Да не может такого быть! Да ты врешь! Неужто в ЦК бы этого не заметили?

— Не думаю, что не заметили, более того — знали, но нет другой морали, кроме Христовой, ну, перелицевали и сделали коммунистической. Теперь о моем пути. Это путь через физические и нравственные страдания. У меня не было выбора: либо гнить, либо молиться. Это соломинка. И она меня спасла. Как же я после этого могу не верить?

Григорий Андреевич вздохнул:

— Да, дорогой мой человек, перенес ты много чего. Быть у смерти на краю и вернуться — это не каждому дано. А товарищи твои, с которыми вместе был в Чернобыле, они-то как?

Николай трижды перекрестился:

— Ушли. Все. У меня есть фотография первого дня на объекте, когда мы еще ничего не знали. Взвод солдат, человек тридцать, всех знаю по именам. Когда прощались, адресами обменялись. Я с родителями связи не теряю, они мне время от времени говорят, за упокой кого молиться. Я крестиком отмечал, все, один остался.

— Семья у тебя большая?

Священник вздохнул:

— Нет семьи, перед рукоположением во священники обвенчались мы, но не прожили и месяца, ушла моя жена. Я не предполагал, что... Чернобыль столь безжалостно встанет между мною и женщиной. А поскольку священник не может быть неженатым, владыка дал согласие на монашеский постриг. Вот отдышусь тут, и в монастырь.

— Это где?

— Тот самый, куда и в первый раз приходил. Буду служить там.

— Там что, и церковь есть?

— Прекрасный храм, возрожденный из развалин, а освящен был в 1780 году. Намоленное место. Как обустроюсь, обязательно вам напишу, вы мне адресок оставьте. Может, доведется бывать в наших местах, все-таки областной центр.

— Ладно, обещать не буду, но адрес дам. Мало ли что...

10

На третью ночь Григорию приснилась жена, да не сегодняшняя, а молодая, какой была она, когда ходила первенцем, чуть располневшая, большегрудая, медлительная. Гриша в то время души в ней не чаял, ведра воды принести не давал, все по хозяйству делал, даже корову доил сам. Матрена смеялась, а в сердце такая радость была, такое счастье.

Она долго скрывала от мужа, что понесла, только в постели просила горячего Гришу не мять ее, сторонилась крепких объятий, уже и не знала, на боли в каком месте сослаться. Дали Григорию три дня для сенокоса, уехали еще потемну на колхозной Карюхе на свой родовой покос: Гриша быстро шалаш сделал, ямку под продукты, чтоб не сох хлеб, не скисло молоко, да и мясу соленому тоже надежней.

Косил Гриша большой литовкой, Матрене сделал маленькую, ловкую. Гриша один проход сделает, ей надо дважды идти, чтобы такую ширину взять. Матрена старалась не отставать, но и торопиться боялась, живот хоть и прятала под широкими кофтами, но уже выпирал, того и гляди, Гриша заметит.

Поужинали простеньким супчиком, молочко допили, Гриша сказал: — Ты ложись, Мотюшка, а я пройду, погляжу дальний покос.

Легла она на спину, так легко, и даже забылась чуток, вздремнула, а ребеночек легонько ее толкнул, да еще раз. Слезы покатались от радости, и прошептала:

— Да, миленькой ты мой, как же долго я ждала тебя!

— Ты это с кем говоришь? — тихонько спросил муж, так незаметно пройду в шалаш, что она и не слышала.

— Гришенька, в тягостях я уж четвертый месяц, вот ребеночек и шевельнулся во мне.

Григорий чуть не вскочил во весь рост, встал на коленки:

— Чего же ты молчала, глупенькая моя? Или я не рад был бы ребеночку? Умница, сладкая ты моя бабочка. Все, откосила, будешь рядышком со мной, а потом в шалаш, перегреваться тебе тоже нельзя.

Полежал Григорий Андреевич, понежился в сладких воспоминаниях. Да, трое парней на радость родителям бегали по большому дому, росли, в школу один за другим, в пионеры, в комсомольцы. Гордился отец сынами, в открытую гордился, а потом случилась революция, сломалось государство, партия, народы разметало по сторонам и странам, люди переменялись, и сыновья его тоже, но он этого не заметил. Почему? Разве не было в доме жесткого порядка: не ври, не воруй, не завидуй. Было... Тогда почему почти вдруг ребята его тоже сломались, какая ржа съела их благородный стержень внутри? А может, надо было плюнуть на все, пропади она пропадом и советская власть, и партия вместе с Зюгановым, если за всякое честное слово, за попытку вывести кого-то на чистую воду он платит сыновьям отторжением? Молчал бы, занимался пчелами, рыбачил, как добрые люди, не влазил в дела детей своих — самостоятельных мужиков — и жизнь была бы спокойней, и дети в порядке, и Матренуш-

ка моя пекла бы пироги да щи варила? Что, разве не так? Да так, только это не для него. Откуда эта непримиримость? Может, оттого, что сам всегда жил честно и чужой копейки в руки не брал, может, потому и бесило его, что тащат не свое, тащат наше, общее, не спросясь да еще бахвалясь.

Оделся, вышел в коридор, постоял у окна. Интересно, могло ли в другой стране такое случиться, что кучка людей объявила себя властью, избрала правительство, кто-то пытался вякнуть — расстреляла из танков. И все стали миллионерами, этими, холера, трудное слово: олигархами! А народ голый. И после размышлений приходил к выводу: нет, нигде такого быть не могло, только в России, потому что русский человек равнодушен, это Григорий и на партийных собраниях видел. Обсуждается серьезный вопрос, а зал молчит. Выскочат три-четыре «звоночка», в парткоме написанные речи зачитают и голосуем: «Одобрить». А рядом сидит бригадир, третью лошадь казахам продает, и все падежом списывают с ветврачом. Пошел к директору, тот чуть не выгнал: быть такого не может! А от безразличия до глупости один шаг, и мы его сделали. Да, страна наша такая, что судьба каждого человека невидимой пуповиной связана с судьбой всей страны. Когда-то это было хорошо, когда всей страной работали и на человека, и на страну. «Вот видишь, — подумал Канаков, — если хорошо порассуждать, к интересным выводам прийти можно. Возможно, где-то тут причина падения моих сыновей».

Утром пошел на почту, вызвал свой дом. Матрена ответила, как всегда:

— Квартира Канаковых слушает.

— А из Канаковых все ли дома? — нарочито громко спросил Григорий.

— Гриша, родной мой, а я сегодня тебя во сне насмотрелась, истосковалась уже.

— Ну, ты наговоришь, четыре дня не прошли, а ты уж тоскуешь!

— Ладно, больше ничего говорить не стану.

— Обиделась, маленькая моя, Мотюша, я сам страшно стосковался, и тоже во сне тебя видел.

— Хорошо хоть там у тебя?

— Все нормально, только вот сегодня заскучал шибко. У тебя все нормально?

— Хорошо, Гриша, ты отдыхай и возвращайся скорее. Я хоть обниму тебя, и мне легче будет.

— Все, время выходит, позвоню через два дня.

Кого обманывал Григорий Андреевич? Какие два дня, на следующее утро позвонил, потом еще вечером сбежал. После разговора немножко погулял и вдруг понял: да мы же больше чем на день с Мотюшей не расставались, а тут уж целая неделя прошла. И грустно было, и радостно, что вон какую жизнь прожили, больше полувека, а единого плохого слова друг дружке не сказали. Случалось, по молодости и выпивал Григорий с ребятами с получки, но всегда шел домой, хотя такого мужика заманивали молодухи, тем более пока детей в семье не было. Он приходил, тихонько раздевался, Мотюшка помогала снять непослушные сапоги, помалкивала, дочиста мыла мужа, кормила горячим супом и укладывала спать. Утром он виновато прятал глаза, а жена, как ни в чем не бывало, подавала чистую рубашку, брюки, вымытые и высушенные сапоги и целовала крепким поцелуем у порога.

— Ты не спишь, Николай? Я специально ухожу перед отбоем, чтобы ты молился, при постороннем человеке это, наверно, неловко.

— Да, я заметил ваше понимание и благодарю.

— Вот ты мне скажи про исповедь. Приходит человек, встает перед священником и кается в дурных делах. Ну, про чужую бабу может сказать, про мелочи всякие. Но если он преступник, он же не скажет?

— На исповеди ничего нельзя утаить, и дело не в священнике, Бог-то все равно знает про его грех. Утаил — трижды согрешил, уже не только перед людьми, но перед Богом. Потому надо признавать все прегрешения.

— И ты их отпустишь, освободишь от ответственности. Это — по какому праву?

— Я говорю на исповеди от имени Господа, я же не скажу: «Прощаю грех твой», а скажу: «Бог простит», но и назначаю епитимию, наказание: это, прежде всего, молитва, поклоны, если грех велик — советую паломником пойти в монастырь или даже на Святую землю, если, конечно, знаю, что этот прихожанин состоятельный человек.

— Обожди, я чего-то не понял. Вот новый русский, жулик, пришел к тебе и кается, что обманул компаньона или еще что-то, может, даже — убил! Убил, да! — и что ты скажешь?

— Молиться и каяться, другого нет пути.

Григорий вскочил с кровати:

— Жулик, обманул, убил, надсмеялся — ему место на лесоповале или в урановых рудниках, а ты — молиться и каяться? И куда это приведет? Да ты просто обязан сдать его органам!

Николай тоже присел на постели:

— Вопрос сложный, но ответ на него простой. Если человек пришел в церковь, значит, он осознает и думает о спасении души. Я не могу советовать ему идти с повинной, и информировать органы тоже не могу, тайна исповеди священна, знают кающийся, священник и Господь. Молитвой и смиренной жизнью оступившийся может заслужить прощение Господа, и на Страшном суде это зачтется.

— Во! Я понял всю вашу фальшь! Вот где собака зарыта! По-вашему получается: грехи, грабь, насилуй, а когда пресытишься или, не при тебе будь сказано, ни на что уже желания нету, тогда добирайся до ближайшего попа, он тебе грехи отпустит, и душа спасена. Так это или не так? Так, Николай, и тут ты мне ничего не возразишь!

— А я и не стану вам возражать. Я хотел только, чтобы вы поняли: иного спасения души нет, кроме раскаяния и молитвы. Даже если человек забыл о каком-то грехе, есть специальная треба, называется соборование, когда все кающиеся коллективно молятся о невольном забытых грехах, и все отпускается им.

— Но это же предательство интересов народа — я не имею в виду старушек, которые и на самом деле забыли, когда в последний раз грешили, а вот эти жирные рожи, которые по телевизору показывают, сам патриарх с ними, каждый день грехи отпускает.

— Я не вправе обсуждать поступки Святейшего патриарха, но вы, должно быть, слышали притчу о разбойнике Кудеяре? Разбойник был, каких свет не видел, сколько душ невинных погубил, а потом осознал, обратился к Господу и раскаялся. И был прощен.

— Ваша политика прощения всякого подлеца нам не подходит. Мы

за то, чтобы каждый ответил за сотворенное здесь, на земле, по нашим советским законам, и мы этого добьемся. А вашей политики я никак не пойму: прощать преступника без наказания?! Куда это годится, и что это за вера такая? Вам ее демократы не подменили, это как раз про них?

— Что вы, Григорий Андреевич, христианство старше демократии, по крайней мере, в нынешнем ее виде.

— Да, уж в нынешнем-то она без вашего всепрощения никуда. Ладно, сосед, поговорили и довольно, надо отдыхать. Спокойной ночи.

12

Григорий сразу обратил внимание, что в магазине замолчали, когда он вошел. Не надо много ума, чтобы догадаться: либо о нем разговор шел, либо о ком-то из ребят. Модничать не стал, поздравствовался и поприсил:

— Я без стуку, потому смущенье сделал, так вы продолжайте, ежели моей семьи касается, то кому же слышать, если не мне? Верно я говорю? А, Семен Федорович?

Семен помялся, но товарищ спрашивает, стало быть, отвечать надо:

— Дак вот, Григорий Андреевич, судили про то, что председатель наш Никита Григорьевич коров собрался продавать или сдавать, невыгодно молоко, один убыток. Вот и судачит народ: а куда дояркам со скотниками податься? На биржу? Это же позорище!

Григорий Андреевич кашлянул, спросил:

— Откуда разговоры? На ферме собрание было или другим путем?

Народишко зашевелился:

— Григорий Андреевич, я дояркой роблю, вчера перед вечерней дойкой приехал Никита Григорьевич, никого собирать не стал, только бригадиру сказал, что через неделю всех коров увезут на мясокомбинат. Мы так ниче и понять не можем, коровы доятся большинство, жалко.

Семен Федорович махнул рукой:

— Это раньше мы ходили за скотом, все государству молока мало было, драли за каждый грамм, хоть литру дает коровенка, и то чилькали, а теперь экономисты все сделались. Я видал, третьего дня шлялся по ферме с директором какой-то чин, все ботинки в говне замарать боялся, а сам видом как раздавленный обабок. Он требовал, это я сам слышал, что нерентабельное какое-то животноводство...

— Нерентабельное, — подсказал кто-то.

— Да, вот это надо кончать.

— А чего город жрать будет?

— Ты за город не страдай, их Европа прокормит.

— Ха, а мы на картошке не пропадем!

Канаков одернул:

— Сухая картоха глотку дерет, ты разве забыл, как при Хрущеве без коров остались — обратку на молоконке по талонам давали. Ладно, сильно пока не судите, а я разберусь, кто тут у нас за главного животновода. Фрося, подай-ка мне пачку хорошего чая.

— Ты, поди, на индийский губу раскатил? — засмеялся Семен Федорович.

Фрося нырнула под прилавок и подала Григорию большую разрисованную банку.

— Григорий Андреевич, для друга хранила, да он, сволочь, другу не-делю нос не кажет.

Канаков улыбнулся:

— Фрося, разговор между нами, но под такой чай я в твоём распоряжении.

От смеха даже чекушки на полке запозвякивали.

В своей ограде закинул пакет с гостинцем Фроси на крыльцо, пошел к дому Никиты. Сообразил: раз машины нет, значит, и его нету. Внучка выскочила, обняла дедушку:

— А папа в конторе, он только сейчас обедать приезжал.

— Ладно, дочка, ты вечером прибегай ко мне, дедушку чаем угостили, индийским.

— Его индейцы выращивают с Чингачгуком?

— Не, это красивые девушки, и на лбу у них пятнышко. Для красоты.

— Круто! Я тоже сделаю себе пятнышко во весь лоб.

В конторе пусто, прошел до кабинета — поздороваться не с кем. А когда-то тут не протолкнуться было, все сюда шли, и с бедой, и с радостью. Он уж как-то размышлял на эту тему, интересная получилась картина. Открыл дверь без стука, Никита удивленно поднял глаза:

— Что случилось, папка?

Григорий прошел вперед и сел за маленький столик, с этого места вел он когда-то разговоры с бывшими директорами. К сыну старался не ходить, недовко. Но вот пришлось:

— Пока ничего не случилось, но, похоже, готовится провокация серьезная.

Никита сложил бумаги и убрал в сторону:

— Ты бы поконкретней, папка...

— А я тебе, сынок, сейчас всю конкретику изложу. Ты по какому праву под нож гонишь совхозных коров? Ты с каких пор перестал создавать, а только торгуешь: хоть какой-то навар, да остается? Свиной продал — я это могу понять, и на собрании людям объяснил, что свинья сожрет весь совхоз при таких расценках. Ты помнишь? И народ меня понял, только ты, похоже, до сих пор мне не простил, что я общественную комиссию создал на том собрании, и все чушки были учтены, и все рубли тоже. Не перебивай меня! Догадывался я, как ты осенью хлеб продавал, понял, когда вдруг деньги зашевелились, и баба в Турцию, и Прошке долги загасил. Но поздно уже было, ничего не доказать.

— Папка, что ты такое говоришь? Я же приличную зарплату получаю, потому и деньги.

Отец посмотрел укоризненно:

— Никитка, твоя зарплата, что по ведомости, это две моих пенсии. Ну, ладно, чужие деньги считать — только нервы трепать. Ты мне за коров почему молчишь?

— Объясняю. Производство молока убыточно, закупочные цены низкие, себестоимость большая. В итоге на каждой тонне мы теряем... сейчас я найду цифру.

— Почему перед губернатором не ставите такой вопрос о ценах? Как это получается, что в одном государстве тот, кто производит молоко, гол как сокол, а торгаш в магазине пополам водой разведенное за три цены продает? Кто-нибудь этим будет руководить или ваши начальники только в лимузинах с ментовским сопровождением ездить да красные ленточки перестригать?

Никита пытался держаться бодро, но не особо хорошо получилось:

— Папка, тебе этого не понять, существуют экономические законы, которые никакая власть отменить не может.

Григорий Андреевич ухмыльнулся:

— До чего же быстро вы научились под плутовство и жульничество теорию подводить?! А уголовные законы уже не действуют? Кто установил такую цену на закуп? Власть?

Никита развел руками:

— Бизнес. Предприниматели-переработчики.

Старший Канаков опять за свое:

— Почему их власть не поправила?

Тут Никита допустил промашку, позволив себе высказать в упрек собеседнику:

— Нельзя. У нас свободное ценообразование.

Григорий вскочил со стула, ударил в стол кулаком!

— Забудь при мне языком трепать! Ах ты, сукин сын! — Канаков поймал сына через стол за конец галстука и притянул к себе: — Как ты кучеряво научился! А ты забыл, как с железной кружкой стояли с братьевьями, пока мать корову доит, и ждали, когда каждому прямо из титек нацедит, аж шапку пены ветерком сдувает? Это же молоко, продукт! Недобрый человек это затеял, сынок, и ты в изничтожении народа своего участвовать не будешь, не позволю! — И отпустил галстук.

Долго молчали. Старший Канаков сел ближе к столу сына:

— Никита, мы тебя все время учили, и когда председателем ставили на собрании: думай об людях прежде всего. У тебя на коровнике со всей обслугой десятка четыре мужиков и баб. Ты, когда скотину увезешь, как им в глаза станешь глядеть? Ты же их на погибель пустишь. А как жить?

Никита отошел в угол, у зеркала поправил одежду, отер лицо.

— Папка, не мы первые идем по этому пути, и никакой трагедии; будут жить подсобным хозяйством, ведь жили же до колхозов.

Слышал Канаков от друзей-товарищей, как живут сегодня в тех деревнях, где не осталось животноводства. Говорят, чины приезжали, не только убеждали, но и ножками стучали на начальников, что скот держать невыгодно. Вот и увезли на длинных машинах, последний раз коровий плач слышали. Как же деревня без скотины? Если на ранней утренней зорьке не щелкнет длинный кнут пастуха, не заскряпят вороточки в пригонах, не наделают коровы огромных лепешек по всей улице, не выскочат бабы, прообнимавшиеся на солцевосходе с некстати замилловавшимся мужиком и рысью погнавшие коров вдогонку табуну, — разве это деревня? Так, выселка какая-то...

— Папка, решение принято, завтра придут скотовозы.

Отец промолчал. Где он просмотрел этого ребенка, которому на роду было написано стать руководителем? И все для того было: и грамота, и понятие, и людское уважение. Да, времена переменялись, но человек с твердой верой и упругим характером не стал бы вот так болтаться, как говно в проруби. Что упустил, когда не сказал нужного слова или даже не врезал по шейке? Как получилось, что его сын мыслит не как крестьянин, не как избранный народом руководитель, а совсем по-другому? Вот за работников, которых придется уволить с фермы, директор уже решил, что будут личным хозяйством заниматься, а ведь отец спрашивал, как он,

Никита Канаков, жить собирается после того, как бездарно спустит коллективно нажитое добро.

— Ладно. Твое решение я отменяю сразу как глупое и вредное. Не позволю народ смешить. Но, коли властям наплевать, надо собирать общее собрание и там принимать. А ты как думал? Ты не на своем дворе, хотя на твоём дворе кобель со скуки повесился, а скот это совхозный, и только коллектив решит, как быть.

— Папка, да нет давно никакого совхоза, есть кооператив, хотя вчера мы зарегистрировали ООО — общество с ограниченной ответственностью.

Старший Канаков аж привстал:

— С какой ответственностью? И чем она ограничена? И кто это «мы»? Почему об этом никто в деревне не знает? Обожди: значит, вы — не знаю, с кем конкретно, но явно с жуликами — решили погреться возле нашего горя и нашей безграмотности? Это называется в акции превратить нажитое, а потом тихонько прибрать к рукам? И кто тебе эту ООО зарегистрировал? Треплев? Он у меня одного сына в грязь втоптал, теперь за второго вьязься!

Григорий Андреевич нервно ходил по кабинету:

— Никита, прямо на завтра назначай собрание и готовься все объяснить народу. Сперва про фокус с акциями, кто тебя научил и кто про это знал. Потом со скотом. Имей в виду, я буду в первом ряду и стану смотреть тебе прямо в глаза. Соврешь — пройду на сцену и прямо с трибуны скину. Ты мое слово знаешь.

Никита разволновался, щеки горели, в горле пересохло. Он понимал, что сегодняшний разговор, первый по существу серьезный после реформы совхоза, этим не кончится, отец уцупал его промахи и теперь спуску не даст. Он встал, закурил хорошую сигарету, прошелся по кабинету:

— Григорий Андреевич, давайте по существу, а то толчем воду в ступе. Нет совхоза, нет кооператива. У работников остались паи, но мы возьмем кредиты и их выкупим, ликвидируем убыточные производства, погасим кредиты и будем спокойно работать.

Старший Канаков едва сдерживал себя, но крепился:

— Добре, товарищ Канаков, переходим к официальным разговорам. Скажите, пожалуйста, а работать вы с чем собираетесь? Коров не будет, свиней уже съели. Я слышал, где-то на Волге один придурок страусов разводит. А что? Одно яйцо — и глазунья на все ООО. Опять же бабам в шляпы будет что воткнуть. А пухом будете подушки-думки набивать для депутатов, а то они спят, христовые, как на вокзале. Ты кому лапшу на уши собрался вешать, сопляк? Вот тебе мое последнее слово: общество с ограничением прикрой, чтоб и духу не было, это раз. Второе: готовься к собранию, все чин чином, чтобы доклад по всей сути и предложения. Рекламу сегодня же выбрось, чтоб народ знал. Учти, Никитка, позорить имя свое не позволю, а тебе только соболезнаю, что живешь ты на глазах у отца. Компаньонам твоим повезло, их родители в Святых землях окопались, не могут детей своих приструнить. А ты у меня в кулаке, сожму — только сукровица выступит, и более ничего.

Встал, еще раз глянул на сына, как на чужого глянул, отчего поймал какую-то боль в душе, постучал казанками пальцев по полированной поверхности стола, вздохнул и вышел.

Такой славной осени давно не было. Весь август погода стояла как по заказу, ни дождинок, ни росы, только по утрам поднимались тяжелые туманы, ночами нежившие теплой влагой нежные груздочки в низинках да весь порядок других лесных грибов — и обабков, и сухих, и даже белых местами. И для хлеба такие ночи в удовольствие: освежит туманчик, даст чуток влаги для жизни, а с первым солнцем уже сухой стоит кормилец, и колос звенит на ветерке, если хорошо прислушаться.

Григорий любил эту пору, и каждый год, если позволяла погода, заводил своего старого «Москвича» и уезжал к дальним полям, оставлял машину, заходил в хлеб, старательно разгребая стебли, останавливался и слушал поле. Странные звуки являлись ему: поверх перепелиной переклички и звона дежурившего в небесах жаворонка слышал он глуховатый напевный разговор деда Корнилы про великую радость крестьянина среди многообещающей пашни, и грубый мат однорукого объездчика Никиши Тронутого, хлыстом изгонявшего ребятишек с горохового сладкого поля, и неуклюжий «Интернационал», по прихоти колхозного председателя исполняемый на гармошке и двух балалайках в честь женщин, выжавших серпами за световой день по гектару пшеницы.

А потом садился спиной к одинокой на опушке березке и вспоминал. Вот трактора пришли в колхоз и пошли по полю один за другим, пять штук, взламывая схваченную щетиной стерни землю и укладывая пласти один к другому ровно и аккуратно. Вот вдобавок к колхозным пришли в деревню грузовики автороты из района, и шофера тоже схватили плицы и стали помогать бабам, а потом избач Фима прибежал со свертком красного материала, зацепил один край за столб и развернул. Зубным порошком с клеем навечно было написано: «Хлеп — Родине!» Кто-то засмеялся, но водитель уже нагруженной машины взял из рук избача полотнище и на двух воткнутых в зерно лопатах закрепил проволочными скрутками. И никто не осудил избача, наоборот, изувеченный войной Киприян, прозванный Речистым за неумение говорить после контузии, подошел к Фиме и что-то очень ласковое промывчал.

Вспомнил, что песни тогда люди пели; за столом по большим праздникам — это само собой, но ведь трезвые пели, после работы идет народ с сенокоса, уже солнце село, темнеет, позади день на жаре, и норма в два раза, и платышки просолили от пота, а одна вдруг запеваёт: «Вон кто-то с гороньки спустился, наверно, милый мой идет. На нем защитна гимнастерка, она с ума меня сведет...» И уже подтягиваются отставшие, и расслабляются напряженные, спаленные работой лица, и морщины пропадают, открывая красивые и честные лица: «Его увижу — сердце сразу в моей волнуется груди. Зачем, зачем я повстречала его на жизненном пути?..» Григорий Андреевич улыбнулся своим мыслям, он тоже долго не мог понять, почему люди поют, ведь и есть только-только досыта стали, и живем еще кое-как, избушки под дерном, работа вся на плечах, в руках вилы, литовка, лопата, веревочные вожжи от пары гнедых... А потом он понял: люди войну забывать стали, война сделалась прошлым даже для тех, кто не дождался и теперь уже не ждет. Четыре те года народ прожил молчком, на работу молчком, на принудиловку за карман колосков, на могилки во след своей тощей коровы, везущей на дровнях маломальский ящик с иссохшим тельцем так и не виденного отцом ребенка — только молчком, потому что плач вынет последние силы. Это знали все.

А в семидесятые зажили, а дальше еще лучше. И заработки пошли приличные, и сельпо стало попроворней, и дома начали катать, да не как-нибудь, а крестовые, с маленькой горенкой, с теплыми сенями. Совхоз миллионером стал, мощнейшая техника пришла в деревню... Канаков тяжело вздохнул. Вот до сих пор все ему было понятно, все по той самой диалектике, которую три вечера подряд втемяшивал ему учитель истории на политзанятиях, а потом что случилось? Отчего это сытый и обеспеченный крестьянин стал отворачиваться от партии, стал коммунистов критиковать? Отчего молодежь плюнула на деревню, и хоть на подхвате, но в городе? Почему это рабочий класс вдруг отвернулся от своего вечного союзника, закрыли всякое строительство на селе, а на партсобрании секретарь райкома убеждал, что это временное явление, надо нефть и газ добывать. Вот освоим Севера, потом заживем, а пока — про ремень и очередную дырку в нем. Нет, не все так просто, а вот в чем суть — не хватало ума Григорию, чтобы понять.

...Еще раз прошел вдоль поля — добрый хлеб, надо подсказать Никитке, что пора молотить. Несколько колосьев сорвал осторожно, положил в карман — сыну для убедительности. «Москвич», поскрипывая, вышел на ровную дорогу и покатыл в сторону дома.

14

Канаков-старший готовил двор к зиме, просмотрел рубленый много лет назад пригон, где в холода стояли корова, летошний теленок, пяток овец с рогатым бараном. В дальнем углу за высокой перегородкой угол для поросенка, летом за пригоном, подальше, чтоб не воняло, а потом надо перегонять, иначе вес скинет. Тут же седало для курей, несколько ящиков из магазина к стенке приколочены, для несущек. На хороших кормах, да в тепле — и петух будет нестись, не только курица. Просмотрел пазы, где мох выпал либо воробьи повьтаскивали — доколачивал купленной на складе паклей, мох нынче не дерут, не умеют, да и моховые озера пообмелели и усохли. Приставил лестницу, залез на крышу, осмотрел шифер, не лопнул ли где, не подняло ли ветром. С лестницы увидел, что к дому подъезжает грузовик, «газончик» — самосвал, разворачивается и задним ходом к воротам.

«Кого там нелегкая принесла?» — беззлобно подумал Григорий и пошел к калитке. Шофер, молоденький парнишка, его опередил:

— Дядя Гриша, зерно развожу на паи. Стелите полог, я вывалю, у меня список большой на сегодняшний день. — И кинулся открывать ворота.

Канаков остановил:

— Не спеши. Я гляну.

Встал на колесо, подтянулся за борт. Глянул. Отборная пшеница, чистая, хоть сейчас засыпай в жернова. Прямо с колеса спросил:

— И много развез?

Парнишка беззаботно махнул рукой:

— Не. Трои м вот такую, а там многие своим транспортом получают, из другого склада.

Григорий крикнул:

— Матрена, я не скоро, без меня обедай. — И шоферу: — Поехали на склад.

В огромном ангаре несколько человек нагребали мешки. Григорий подошел, сунул руку в ворох, в ладони размял горсть зерна: пшеница со

щуплыми зернами подгона, влажная, уже согрелась. Все остановили работу: интересно, по какому случаю здесь отец председателя?

— Иван, — обратился Канаков к ближнему: — Тебе на три пая сколько приходится?

— Если по тонне за пай, как в договоре, то, получается, три тонны.

Канаков показал на старенький мотоцикл с прицепом:

— И ты их собрался на своем «ижаке» увезти?

Иван засмеялся:

— Ты шутишь, Григорий, мне кладовщик велел насыпать шесть центнеров.

Григорий кивнул и пошел к кладовщику. Тот, заметив нежеланного гостя, водитель ему уже все обсказал, хотел выйти через ближние ворота, но Канаков крикнул:

— Ефим Кириллович, я же тебя все равно найду, так что обожди, и поговорим принародно, потому что один на один я тебя могу нечаянно зашибить. Ты какую труху людям на пай выдаешь?

Ефим Кириллович, вечный заведующий зерновым складом, щуплый и юркий мужичишка, делал вид, что тщательно охлопывал пиджак, хотя пиджак уже стоял от пыли и грязи:

— Какую-какую?! Что велено, то и даю.

Канаков подождал, пока соберутся люди:

— А кто велел? Говоришь, председатель? У тебя и распоряжение есть, или вы друг у дружки на доверии?

Ефим Кириллович насторожился:

— На словах.

Канаков нажимал, толпа уже начала ухмыляться:

— Как же ты, материально ответственное лицо, мог пойти на раздачу зерна без распоряжения? Ладно. Обожди, Ефим, у тебя с уборки еще рация должна остаться. Айда, вызови мне председателя.

Вся толпа переместилась к весовой. Через хрипы и свист Канаков услышал знакомый голос.

— Сынок, ты сейчас где? Так вот, сворачивай все дела и крупной рысью на зерновой склад, тут тебя люди желают видеть.

— Какие люди, папка, ты с какой стати оказался на складе? Тебе зерно уже должны привезти.

Канаков подмигнул собравшимся:

— Повторяю: на складе ждем, и чтоб без игрушек.

Бросил трубку и вышел из избушки. Окинул складской ток: сколько ворохов тут лежало в добрые годы, когда все засевалось и все свозилось сюда. Деревня жить переходила на склад, здесь столовую открывали, комбайнеров возили кормить свежим и горячим, а не болтанкой в термосах. Пока они щи хлебали да пельмени ели, за них на комбайнах где шофера, где механики, а у многих свои сыновья на подножках стояли: «Тятя, дай, я тоже...» Некоторые отцы доверяли, потому что проверены ребятишки, чай пили не торопясь, со вкусом.

— Не боишься, Мишку одного оставил? — спросит мужа супружница, она тоже тут, при складе.

— У меня, Феша, об нем дум больше, когда его в три часа ночи дома нет. А с мостика он не упадет, будь спок!

Тысячи тонн зерна пропускали, и все уходило, и людям машинами сваливали на ограду натуральную оплату. Вот как сегодня и мне чуть не свалили.

Новенькая «Волга», легонько качнувшись, остановилась у весовой. Никита выскочил, явно обеспокоенный. Отец взял его под локоток — Никита знал, это плохая примета:

— Пошли со мной.

Подошли к «газончику», на котором приехал Григорий Андреевич.

— Зачерпни зерна из кузова, — попросил сына.

Никита проворно вскочил на колесо, спустился с горстью зерна, протер в ладонях, взял на зуб:

— Отличное зерно, что тебя не устраивает? Ты, мне сказали, вернул машину?

Отец как будто его не слышал:

— А теперь пойдем туда. — Григорий указал на склад, где у ворот толпились два десятка человек. Трое быстро завели мотоциклы и, далеко объехав начальство, порожняком выскочили мимо весовой.

— Может, в склад зайдешь, или вон у Ивана в мешках посмотри, что твой кладовщик на пай выдает. Это твое распоряжение?

Никита взял отца за плечи и хотел отвести в сторону:

— Да. Но тут не место его обсуждать, отец.

Канаков стряхнул руку сына и громко сказал:

— Самое подходящее место. Народ присутствует, объясни, почему ты вместо зерна, какое записано в договоре, выдаешь людям отходы, почему вместо тонны на пай выдаешь два мешка? Кто тебе позволил так вольно обращаться с совхозной собственностью?!

— У нас не совхоз и уже даже не кооператив, папка, забудь ты про совхоз.

— Нет, не забуду, не забуду, как мы за каждый колосок боролись, потому что это было наше, советское. И кооператив из совхоза родился, выкидыш, конечно, но должен выжить, если не шельмовать. Ефим, открой вот этот склад.

Ефим засуетился, ждал команды. Старший Канаков подтолкнул:

— Открывай, начальство не возражает.

Склад под самую крышу засыпан отборной пшеницей, видно, отсюда брали зерно для Канакова.

— Это пшеница первого класса, вся пойдет на реализацию, — предупредил все вопросы Никита.

— Нет, Никита Григорьевич, не вся. Собирай свое правление, мы от общества тоже придем, человека четыре, и так решим, чтобы один пай, стало быть, тонна, был выдан продовольственной пшеницей, а остальное можно и той трухой, скотина съест.

— Спасибо, Григорий Андреевич, за ценные экономические советы, правление я соберу на восемь часов. До свиданья.

Домой Канаков-старший шел один, и до того паскудно было на душе — хоть волком вой. Что это случилось с Никитой? Он, как в председатели избрали, года два, поди, вел себя вполне прилично, и сам отец бдил, да и народишко на итоговых собраниях недовольств особых не высказывал, соглашались люди с раскладом по всем показателям и со скромной зарплатой соглашались, не первый раз, надо потерпеть — дело привычное. Особо отметил тогда для себя Канаков, что руководитель поддерживает подсобные хозяйства, потому как без собственного продукта крестьянину в таких условиях хана, и зерно дробленое дает по норме, а если надо, то и продаст подешевле, и сенов всем поможет накосить кооперативом, и соломы к каждому дому по паре тюков подвезут ребята на тракто-

рах. За магарыч, особенно от пожилых людей, пенсионеров, карал жестокое, однажды тракториста с напарником, которые за привезенную дробленку с бабки бутылку взяли, тут же отправил в магазин, велел водку купить, бабке вернуть и извиниться. А еще наказал, что если повторится такое — будет настаивать на увольнении из кооператива. А потом что изменилось? «Волгу» новую купил, никого не спрося, цены на продажу зерна, мяса и прочего товара перестал согласовывать с правлением. К отцу редко стал заходить, только по приглашению или по праздникам, и все старался производственных тем избегать, отвечал как-то с неохотой, потом вообще сказал, что хоть тут-то отдохнуть дайте.

— Вот сегодня мы и отдохнем коллективно, — закончил размышления Канаков.

Не успел в ограду зайти, калитка сбрыкала, сын явился. Шляпу бросил на кабину «Москвича», вытер лоб платком.

— Насмелиться не можешь меня дураком назвать? Не советую. Если пришел отговорить от обсуждения твоих глупостей, тоже напрасно, я не допущу, чтобы фамилию мою — слышишь, ты, начальник новорусский! — трепали на перекрестках. Отец мой геройски погиб за народ и за Родину, сам я чуть не полвека спины не разгибал, орден имею, литровую банку значков и полную тумбочку почетных грамот. А ты в кого? Какую ты червоточину мог получить на чистых материных перинах да на моей ограде выскобленной? Что с тобой случилось, что перестал ты к людям лицом?

— Папка, извини, ты несешь такую глупость про ордена и грамоты, смешно слушать...

Никита не успел договорить, отец наотмашь ударил его по губам:

— Проглоти эти слова обратно, пока я не прибил тебя на собственном дворе! Если пришел просить — уходи, я свое решение не отменю, не соберешь правление — завтра соберу общее собрание, и выпрем тебя, пока еще не поздно.

Правление собрали. Никита Григорьевич, причмокивая из-за припухшей губы, сказал, что был не прав, дав распоряжение отоварить за земельные пай фуражным зерном, предложил получить на первый пай по пять центнеров продовольственной пшеницы, а к новому году выдать по пять мешков муки заводского помола. С этим все согласились, Григорий Андреевич встал и вышел первым.

Хоть и не первые выборы проводил Роман, но всякий раз появлялись новые проблемы. Чуть-чуть подправили закон о выборах, заставили перетрясти все участковые комиссии, чтобы свои люди были, никого лишнего. Когда принесли протоколы по выдвижению в состав комиссий жириновцы и коммунисты, Роман позвонил в районную администрацию управляющей делами: как быть?

— Найди причину отказать. И не вноси на территориальную до последнего дня, а потом откажите, найдите повод. В общем, все в твоих руках, Роман Григорьевич, ты же понимаешь: если в комиссиях будут эти люди, процент тебе не набрать.

Когда с комиссиями кое-как утрясли, никого посторонних не пустили, партийцы написали жалобу в облизбирком, но там им ничего не светило, Роман об этом знал. Перед обедом к нему забежал Прохор:

— Что опять у тебя за шум? Мои девчонки сейчас сказали, что только и разговоров в магазине про то, что вы большевиков и жириновцев отшили.

— Отшили, есть причина.

— Ну, темни. А не думал, что батя придет разбираться?

Роман вскочил с кресла, нервно закурил.

— Ты же вроде бросал?

— Тут не только закуришь, а запить впору. Вот скажи, что это за положение такое: и рыбку съесть, и на рыбалку не ходить. Выборы еще когда, а мне уже процент сказали, чтобы не меньше.

Проход засмеялся:

— Рома, кому они нужны, эти выборы, если все заранее известно? И ты процент дашь, и другой тоже, Треплев душу из вас вынет, а контрольную цифру выдаст. Кстати, отец знает про ваш ход и загадочно молчит. Как думаешь, почему?

Братья помолчали, переглянулись, Проход опять засмеялся:

— Вот посмотришь, батя привезет удостоверение наблюдателя от Зюганова.

— Ты думаешь?

— А что тут думать? Уверен. И затребует у тебя протоколы всех участковых. Вот и все, потому он спокоен.

После обеда позвонил из района секретарь парторганизации коммунистов, сурово сказал, что в полном соответствии с законом о выборах администрация должна предоставить партии помещение для встречи с избирателями. Роман спросил, на сколько мест нужен зал, секретарь ответил, что не менее трехсот.

— Тогда вам надо в райцентре встречу организовывать, у нас таких залов нет.

— А Дом культуры?

— Там двести мест.

— Мы согласны. Встреча завтра в восемь часов. Заявку сейчас сброшу факсом. И вас бы просил присутствовать.

Ближе к вечеру позвонил Треплев:

— Ну, хвались, Роман Григорьевич, что у тебя хорошего в подготовке к выборам? У тебя что за разговор был с Парыгиным, он постоянно интересуется, и с такой ехидной ухмылкой. Что ты ему наговорил?

— Да в целом ничего особенного, поговорили об особенностях политической обстановки.

— Ишь ты, какой стратег! Ты думай об особенностях своего сельсовета. Завтра к тебе большевики! О чем договорились?

— Просят Дом культуры.

— Не давай.

— Так я вроде пообещал...

— Знаешь, Канаков, если бы я все обещания выполнял, давно бы уже на бирже стоял как безработный. Сегодня пообещал, завтра отменил. Скажи клубникам, чтоб все двери закрыли и умерли. И Никите Григорьевичу скажи, чтобы нашел способ не пустить в зал заседаний. Кстати, на завтра дождь обещают. Пусть они под зонтиками встречу проводят. Так, теперь о деле. Нашел тебе денег на асфальтирование, у тебя в проекте школьная территория и детский сад, так вот отложи, я уже сказал дорожникам, пусть делают гостевую улицу, со въезда и до администрации, а то придет добрый человек, и стыдно, хоть провались. Ты контрольную циф-

ру помнишь? Так вот, рекомендовано главам за каждый процент перевыполнения по сто долларов. Соображай.

Роман зажал голову руками: что делать, как себя вести? Он запутался во лжи, хоть специальный блокнотик заводи, куда записывать, кому что обещал. Некстати вспомнилось: «Не ври, и ничего не надо запоминать». Половина из обещанного сама собой забывалась; бывает, встретишь на улице человека, точно знаешь, что был он с какой-то просьбой, ты что-то пообещал, наврал, скорее всего, потому что Треплев строго-настроено наказал все заявления и жалобы перед выборами обязательно решать положительно, не можешь сделать — тогда обещай. А выборы пройдут, там видно будет.

Вчера вечером Марина завела трудный разговор о его работе, о куче неисполненных просьб населения, о нелестных отзывах односельчан. Роман любил и ценил Марину, она умная женщина, раньше вообще не встревала в его дела, а вчера:

— Роман, ты не сердись, я вижу, как тебе трудно. А трудно потому, что в тебе стержень вашей породы, ты вроде там уступку допустил, в другом месте глаза закрыл: а, ладно, не это главное. И верно, это все мелочи, но они изматывают тебя. Ты же честный и порядочный человек, на тебя дети чуть не молятся: папа справедлив, папа за народ. Вот сейчас с выборами — верхам нужна победа в первом туре, они все уши прожужжали по ящику, а какие брожения в народе, ты знаешь? И в любом случае спрашивать будут с тебя — и власть, и люди. Ты оказался между молотом и наковальней.

— Какие ко мне вопросы, Марина? Я соблюдаю закон о выборах, вот завтра приезжает делегация от компартии, Даю им Дом культуры, пусть встречаются. Приедут жириновцы — пожалуйста. Все права соблюдены.

Марина взяла полотенце и начала вытирать обтекшую посуду.

— Хочешь правду, Роман? Не дашь ты завтра коммунистам Дом культуры, ведь не дашь, и, скорее всего, Треплев уже научил тебя, как сподличать. И ты сделаешь это, потому что границу дозволенного ты уже перешел. Эта история со членами комиссии. Ты думаешь, я поверю, что это случилось без тебя? Роман, надо остановиться. Треплева можно понять, ему нужно кресло в областной администрации, пусть самое скрипучее, и он вас таких десяток может сложить в кучку, чтобы допрыгнуть. А тебе это зачем? Мы пока уважаемые люди, пока с родителями видимость приличных отношений, но я боюсь, Рома, что эти выборы разрушат все: и доверие человеческое, и семью нашу тоже.

Он подошел к столу, обнял жену за плечи, она резко повернулась и уткнулась в плечо.

— Успокойся, все будет хорошо, я тебе обещаю.

Это обещание записывать не надо, оно всегда на виду и всегда в памяти. Роман понимал, что нынешние выборы важны не только для страны. Работа в самом низу пресловутой государственной вертикали власти, не имея сколько-нибудь приличного бюджета, на сто процентов зависимый от отношения к тебе главы района, он понимал, что создаваемая такими путями и столькими усилиями система никогда не будет нормально работать на народ, на его село. Он уже выбрал линию поведения: выполнять, насколько это возможно, указания Треплева и в то же время сохранить свое лицо и свою душу. Он не верил в победу Зюганова; даже если он и наберет голосов больше, эти ребята ни за что не отдадут власть, потому что для них это равносильно смерти. Любая новая власть предъ-

явить обвинения, и они не во многом отличались бы друг от друга, а отвечать пришлось бы на уровне всенародного суда.

Утром на щите у Дома культуры увидел объявление о встрече с доверенным лицом кандидата в президенты от КПРФ С.И. Романчуком. От неожиданности остановился, перечитал: приедет Романчук, бывший первый секретарь райкома, который направил его, Романа Канакова, секретарем парткома в Кировский совхоз, и три года до запрещения партии они работали бок о бок. В голове все смешалось: «Закрывать Дом культуры не получится, врать Романчуку я не смогу. А если позвонит Треплев? Не буду подходить к телефону, пусть звонит». Незаметно для себя Роман стал искать путь к истине.

С Романчуком встретились, как старые знакомые; после запрета партии Романчук долго не мог найти работу, хотя толковый экономист, опытный организатор, потом пристроился в лесной конторе, так что почти не встречались. Роману показалось, что Романчук встрече искренне рад.

— Рассказывайте, как работа, как настроение, как семья, дети?

— Дома все нормально, работа — сами видите какая, а настроение ни к черту.

Романчук удивился:

— Что так? Вы же все Канаковы из породы оптимистов. Отец здоров?

— Еще как! Ждите, на встречу придет, вопросы будет задавать.

— Я помню его, поверьте, если бы все восемнадцать миллионов членов партии были настоящими коммунистами, как Григорий Андреевич, никто бы не сумел нас подмять. Вы знаете, что он приезжал ко мне с предложением вооруженного мятежа и установления партийной власти в районе?

— Когда? — испугался Роман.

— Перед запретом партии. И он был не один. Я связался с обкомом, меня успокоили, что ситуация под контролем. А через несколько дней Ельцин подписал указ, причем унижительно, беспардонно, в прямом эфире. Я в конце девяностых заканчивал академию при ЦК, уже тогда очень солидные люди говорили о подобном повороте истории. Так, довольно о прошлом, наши прежние отношения позволяют мне задать вам вопрос прямо. Роман Григорьевич, как проголосует ваш избиратель? Вы же чувствуете обстановку, настроения? Даю слово, это строго между нами. Просто мне хочется знать ваши оценки. Можно?

— Сергей Иванович, честно сказать, и мне это все порядком надоело. Наверное, мы в свое время работали плохо, были и ошибки, и откровенные закидоны, типа неперспективных деревень или содержания всего третьего мира за свой счет. Было. Но так, как сейчас, мы не жили. Если людей не пугать, не угрожать невыплатами зарплаты или пенсий, а дать проголосовать свободно — проголосуют за коммунистов.

Романчук помолчал, заговорил тихо:

— Мне сегодня звонил Геннадий Андреевич, видимо, у него есть координаты всех доверенных лиц. Задал тот же вопрос, что и я вам, и я ответил почти слово в слово, как и вы. Зюганов обеспокоен возней неких группировок, видимо, это идеологическая поддержка из Штатов. Очень много провокаций. Сказал, что у Ельцина очередной инфаркт, по крайней мере, сильнейший приступ. И они его затащали по разным шоу, даже, говорит, жалко старика. Ему стало известно, что на случай нашей победы готовятся крупные акции, не исключены и военные. Усиленно внедря-

ется лозунг «Зюганов — это гражданская война!». Какие изощренные словочи! Они знают, на чем сыграть, наш народ уже один раз чуть не захлебнулся в собственной крови, генетически помнит, что такое гражданская война. Ну, вот, пожалуй, и все. Мы будем просить заверенные копии протоколов участковых комиссий, в рамках закона, не думаю, что вы будете возражать?

Из кабинета бухгалтерии позвонил домой, Марина сразу доложила, что несколько раз звонил Треплев и просил связаться с ним, желательно до встречи.

— Уже поздно, встреча начинается. Я просил бы тебя быть там вместе со мной. Придешь?

— Рома, я уже собираюсь.

Романчук начал встречу ровно в восемь, но народ все подходил, и кто-то крикнул:

— Начальник, тормозни минут на пять, народишко соберется.

Романчук улыбнулся:

— Хорошо, только я не начальник уже давно, а был первым руководителем района, если помните.

— Помним! — раздались голоса, и Канаков заметил, как заблестели слезой глаза бывшего первого. И вдруг в этом дружном «Помним!» Роман услышал голос отца: значит, он здесь, и будет держать речь. Странно, но это даже порадовало его.

— Чтобы не терять время, я приведу вам некоторую статистику. Сегодня район использует только семьдесят процентов посевных площадей. Да, частично заброшены малопродуктивные земли, мы в свое время ими не брезговали, но у нас задачи были другие. Количество скота сократилось на шестьдесят процентов, в том числе коров наполовину. Свиной вырезали почти всех. Ликвидирована наша гордость — гусеферма, продававшая почти сто тысяч суточных гусят для населения. Молоко стало дешевле газировки, мясо закупают только наши азиатские братья, картофель перестали закупать совсем. В вашем селе жил Моспанов Яков Лаверович, если мне память не изменяет. Мы поставили ему в огород два «ЗИЛа», и он их полностью загрузил, сдал в заготконтору картошки на двенадцать тысяч...

— И триста двадцать пять рублей семнадцать копеек! — Моспанов встал, и зал приветствовал его аплодисментами.

— Помню, что мы тут же выдали распоряжение продать товарищу Моспанову «Ниву». Купили вы машину, Яков Лаверович?

— Купил, и до сегодняшнего дня езжу и благодарю советскую власть.

Романчук довольно умно построил свое выступление: он находил в зале знакомого человека и спрашивал о семье, о детях, о доходах, и люди выворачивали на всеобщее обозрение свои проблемы и беды.

Через полтора часа задушевного разговора Романчук сказал:

— Вот, дорогие товарищи, и закончилась моя агитация. В день выборов вы все добрыми приятными на участок и проголосовать. Обязательно все, как было в добрые советские времена. Вы все взрослые и умные люди, вы сумеете сделать правильный выбор. Спасибо.

Зал устроил Романчуку такие аплодисменты, каких не слышали даже приезжие артисты. Гости проводили до самой машины. Канаков подошел последним:

— Спасибо, Роман Григорьевич, очень славная получилась встреча, правда?

— Могу вам только позавидовать в умении работать с людьми.

— Да, это наука, но она крепко связана с реальной жизнью. И вы это заметили. И последнее: какие у вас отношения с Треплевым?

— Очень натянутые, и думаю, после выборов будут еще хуже.

— Остерегайтесь его, я возражал против его перевода в райком, но давление было сильное, пришлось сдать. Мы проработали вместе чуть больше года, а встречались только на бюро и в коридоре. Очень тяжелый, злой и крайне жестокий человек. Впрочем... Чуть не забыл. Помню, консультировал вас по кандидатской. Что-то получилось?

— Ничего. Когда началась эта заварушка, я тоже несколько месяцев был не у дел, не до кандидатской.

— Все, прощаюсь.

Они пожали друг другу руки, и старенькая «Нива» бывшего первого секретаря покатила в сторону райцентра.

16

Торговля Прохора быстро пошла в гору, взял в банке кредит под гарантию кооператива брата, купил «газончик» с будкой, каждую неделю ездил в город за товаром. Юрий подписывал все, что просил Канакон, и за дорогу, накинув половину цены на каждый продукт, Прохор мог называть сумму дохода. Получалось солидно. Конфеты, вафли, печенье, пряники в шоколаде и без, новоявленные изделия типа «сухих завтраков» и печенья «плазма», зефиры и мармелады — все было для села новым, неожиданным, люди покупали коробками, авторитет магазина рос, Прохора хвалили даже в районной газете.

Девчонки оказались симпатичными и разными, хоть и близнецы, Валентина смугленькая, круглолицая, ростом повыше сестры, на язык остра. Галина — белына, косу растит, телом поплотнее будет и тоже хороша. Прохор встретил с улыбкой:

— Вы в торговом деле хоть что-нибудь соображаете?

Сестры переглянулись:

— Мама всю жизнь в магазине, и мы ей помогали. Так что на весах нас не обойдешь и по кассе не обсчитаешь, — с вызовом ответила Галина.

— Ну, тогда весь барыш наш. А ведь я вас совсем не помню, учиться уезжал — вы еще пионерками были, а теперь невесты на выданье. Отец ваш просил моего отца, а мой рассуждать не любит, пришел и сказал: принять! Медицинские книжки и паспорта при вас? Положите вот сюда, я потом договора напишу, обсудим. По зарплате. Сами понимаете, пока на берегу, как дело пойдет? Потому сделаем гарантированную и плюс процент от выручки, думаю, месяца через три работы все встанет на свои места. Смены так: одна с восьмью, другая с двух, возможно, и вместе придется, если товар ходовой.

— Прохор Григорьевич, а водка будет?

— Сложный вопрос. Пока не будет, отец не разрешает.

— Слава Богу! — в голос выдохнули сестры. — От пьяниц одни неприязности.

Когда девчонки ушли, Прохор почувствовал, как колотится сердце. Такие юные, чистые девушки, и он все время будет с ними рядом. Если и волочится кто-то, надо сразу отшить, найти причину.

Отец не ошибся, в тот день действительно была у Прошки гостя, из соседней деревни приехала на автобусе. Так, ничего серьезного, встрети-

лись в райцентре, понравилась, мимо дома проехал, проводил, пригласил в гости. Она и явилась на другой день. Наслаждались до обеда, а потом Инночка стала наводить порядок в комнатах, всю посуду перемыла, пропылесосила, протерла мебель. Прохор уж забеспокоился, не навсегда ли остаться собралась подруга. Как бы между прочим спросил:

— У тебя автобус в шесть?

Она засмеялась:

— В шесть, Проша, не бойсь, я в жены не тороплюсь. Ты скажи: если хорошо со мной, то будем встречаться, надоест — тоже скажешь.

Прохор тоже улыбнулся:

— Даже так? Абсолютно свободные отношения? Только попрошу, пока мы встречаемся, третьего быть не должно. Договорились?

— Само собой, Проша. Ты завтра купи что-нибудь, у тебя в ванной весь фаянс зеленый. А я приеду, заодно и почищу.

Настоящей любовной школой стал институт. Прошка, деревенский парень, сразу влюбился в городскую девушку из соседней группы, а как подступиться — не знал. Страдал, в учебе отставать начал, и пришел к ним в комнату разбитной паренек, тоже городской, но с родителями не в ладах, добился места в общежитии. Ему-то и поведал Прохор свою беду.

— Ты мне ее завтра покажи, — вскользь бросил Славик и продолжал читать какую-то книгу.

Прохор показал издавека, Славка кивнул, и через пару дней на танцах в клубе общезнать Лена его пригласила на дамский вальс. Ну и закружилось. Они сбегали с лекций, когда ее родители были на работе, и курдались в квартире до пяти вечера. Потом Леночка все прибирала, и они уходили в кафе или в клуб. Компания у Леночки была большая и дружная, когда на зимних каникулах поехали в загородный пансионат, Леночка предупредила:

— Проша, ты Мадленке очень понравился, так что сегодня она к тебе придет.

— А ты? — безнадежно простонал Проша.

— А я у Виталика буду. Да ты не переживай, у нас все просто, ты осмотришься завтра, какая понравится, ту и приглашай. Если она уже забита, она скажет, пойдешь другую искать.

— Лена, я не хочу, чтобы ты куда-то уходила, я тебя люблю.

Леночка расхохоталась, обвила шею друга, поцеловала в губы:

— Милый мой лопушок, с любовью придется погодить, пока мы молоды и друг другу интересны. А любовь, Проша, на первые три месяца, а потом начинается рутинная семейная жизнь. Вот переспшишь сегодня с Мадленкой, завтра скажешь.

Прохор на все махнул рукой, учился кое-как, на зачетах научился вкладывать в зачетку выменянные на отцовское пособие доллары, бурные встречи в компании тоже влетали в копеечку. В очередной приезд домой отец его огоршил:

— Прохор, может, нам для тебя проще будет диплом купить? Вон по ящику говорят, что в Москве в каждом переходе продают. Я тебе на самолет денег дам, слетай, это мне дешевле обойдется. Ты посмотри, вот квитанции на твои переводы. Тут не только моя пенсия, но и весь приработок от пчел и куриц.

Прохор пробежал глазами квитанции и покраснел: как он раньше не подумал, что отец шлет ему последнее. Стыдобище! Ладно, если братьям не говорить.

— Все, папка, перехожу на самообслуживание, буду зарабатывать. Переводов больше не шли.

— Ты не кобенься, тарелку супу мы тебе купим, но эти гульбища бросай, такие расходы только с бабами связаны, а эта статья безлимитная, особенно по нонешней молодежи. Ты Аннушке почему перестал писать? Приезжаешь, даже не спросишь, может, она тоже в гостях? Э-э-э, дурак ты, Прощка, Анюшка девка наша, на глазах выросла, порода работающая, чистая, а ты связался с отребьем вокзальным. Есть хоть в твоих компаниях порядочные девки?

Проخور пожал плечами:

— Папка, порядочность настолько размытое понятие...

— Вон отсюда! Щенок малограмотный! Я тебе все сказал, а ты думай.

Думать было некогда, в неделю раз ходил на разгрузку вагонов, на другой день заработок вылетал вместе с пробками шампанского в очередном уютном особнячке. Лена уже была в категории всех остальных, и утром после веселой ночи Проخور сказал:

— Лена, я больше в компании не участвую. Прощай.

— Прощай, Проща, но ты уже хватил свободы, другой жизнью едва ли сможешь жить.

17

В свободные от поездок дни Проخور приходил в магазин и работал в оборудованном рядом с залом небольшим застекленном кабинете, откладывал бумаги, выключал свет и, сидя в кресле, наблюдал за продавщицами. Он купил им красивые легкие костюмы, Галя надела его без стеснения, а Валю смущало глубокое декольте. Она в первый же день надела под жакет белую кофточку.

— Ты почему нарушаешь форму одежды? — нарочито сурово спросил Проخور.

— Мне так удобней.

— Валя, надо думать не о себе, а о клиенте. Клиент заходит не только купить что-то, но и полюбоваться на красивую продавщицу, так ведь?

— Ну, не знаю, только я в таком жакете работать не смогу.

— Валюша, — убеждал хозяин, — ты очень красивая девушка, и твоя скромность снижает нашу выручку.

На другой день Галя сказала Проخورу:

— Вы ее не убеждайте, бесполезно, она даже при мне старается не раздеваться. А после вашего разговора так и отрезала: «Не хватало мне еще груди бросить на весы!»

Проخور засмеялся, а потом спросил:

— Галя, а ты этого не боишься? Насчет весов?

— Нет, Роман Григорьевич, не боюсь, у меня все надежно схвачено, это Валентина со своим хозяйством пособиться не может.

Эх, как метнулась по организму кровь молодого человека, верно говорят, что одним только словом можно возбудить мужчину, всего одним, которое мгновенно родит в его ждущем сознании образы, от которых невозможно освободиться. Чтобы не выдать себя, он ушел в кабинет, но Валентина заметила перемену и прикусила губу: не просто с хозяином говоришь, а с молодым мужчиной, к тому же слава за ним тянется не только из города. В деревне заметили дневную визитершу, и уже вечером отец как бы случайно встретил сына на дорожке к дому:

— Проща, сегодняшней день по православному понятиям постный.

А ты грессишь, скромное дозволяешь. У тебя, поди, и суп мясной? Про другие достоинства не спрашиваю, староват, да и не отцовская тема, я про пищу. Она тебе сготовила чего, или к матери пойдешь на ужин?

Прохор оглянулся — вроде никого нет, не хватало еще, чтобы люди видели, как отец сына воспитывает. А он точно пришел навести порядок, как бы кулак не поднес посреди улицы.

— Папка, подем в дом, что мы на виду всей деревни?

— Застеснялся? Это хорошо, значит, не до конца еще совесть потерял. Пошли. Но вот что я пришел, Прохор. Ты легковушку купил — на какие шиши? Наторговать еще не успел, в долги залез? Ты с деньгами не играй, это штука опасная, не таких, как ты, до могилы доводила. Братья дали? Я так и понял. Второе. Мы с тобой говорили про женитьбу, но ты, я вижу, не спешишь отца порадовать. Аннушку не собираешься разыскать? Скажу тебе честно: лучшей невестки я бы не желал.

— Папка, но не ты ведь на ней жениться должен, а я, по твоему раскладу. А я не хочу.

— Признайся, с ней тоже спал?

Прохор замаялся:

— Ну, как тебе сказать?

— Как было, так и говори! — рявкнул отец. — Значит, испортил деву, а теперь рыло воротить? Эх, жалко, прошли те времена, я бы тебя сегодня же оженил. Какая девка! Красавица, умная, светится вся от доброты, а ты, свинья, нос воротить!

— Папка, на Анне я не буду жениться, у нас все кончено, мы разошлись мирно и дружелюбно.

— Во подлец! Да она тебя, дурака, до сих пор любит, замуж не выходит, по весне матери твоей призналась, что никого, кроме тебя, ей не надо. Во как! Проща, тебе не под три ли десятка? Уже седина прочикнулась! И все орел! Гляди, скоро линька начнется, воронье перо попрет! Значит, так. В столовании я тебе отказываю, это раз. Второе: если до октябрьской не приведешь невесту показать — гоню из дома, у меня на ограде ладная избушка есть, тебе по холостяцким меркам и того много. Я не тихо говорю, ты меня хорошо слышишь?

Ответа ждать не стал, хлопнул калиткой и вышел. Мотнул седой головой, понимал, что пустые речи, от сына, как от стенки горох, все его слова отлетели.

Какая женитьба, если рядом две такие крали, такие цыпочки! Прохор в окно наглядеться на них не мог, иногда перед открытием проходил за прилавок, вроде товар на витрине поправить, протискивался возле девушек нарочито аккуратно, хотя едва сдерживал себя, чтобы не схватить в охапку.

Вечером Вале сказал:

— У нас разногласия с фирмой «Альянс», возьми последние фактуры, съездим, сверим.

Валя искренне удивилась:

— Роман Григорьевич, так ведь бухгалтер есть?

— Она приболела. Галя день отработает, а потом ты ее подменишь. Я к тебе в шесть утра подъеду.

Машина не новая, но все-таки не «Жигули», «Мерседес» голубой окраски, так и горит на солнце. Не выходя из салона, наклонился, открыл правую дверцу. Валя в веселеньком зелененьком платье в большую белую

горошину, на шею такая же косынка. «Эх, и посыплетесь белые горошины с зеленого поля», — весело подумал Прохор. Валя села, чуть одернула платье, откинулась на спинку: — Если сильно трясти не будет, то я подремлю.

— А ночь ты чем занималась? Ишь, губки-то припухли. Колись!

— Спала, да плохо. Сны дурацкие снятся.

— Расскажешь?

— Не-е-е, нельзя.

— Ладно, после расскажешь.

— С чего это вы взяли? Может, это моя тайна.

— Вот ты и поделишься. Так, Валюша, мы должны заехать в магазин, на пять минут.

Вернулся с полным пакетом, поставил на заднее сиденье. Поехали улицами, на окраину, но не на выезд на трассу.

— Еще куда-то надо забежать, Прохор Григорьевич?

— Ты очень догадливая, Валюша. Мы сейчас заедем к моему товарищу, я тебя с ним познакомлю.

Подъехали к аккуратному домику, Прохор своим ключом открыл калитку, пропустил вперед Валю и защелкнул замок. Валя не подала вида, что слышала. Опять же своим ключом открыл входную дверь, пригласил Валю.

— Так никого же нет, зачем мы идем?

— Друг, наверное, спит, ты проходи в зал, я его подниму.

Из спальни вышел с запиской, прочитал: «Проша, если меня не будет, значит, я в командировке. Будь, как дома. Игорь».

— Вот видишь, как хорошо, никто нам не мешает спокойно поговорить. Дуй в ванну, мой руки и готовь завтрак, все нужное в пакете.

— Прохор Григорьевич, а «Альянс»?

— Давай чуть перекусим, там фрукты, шоколад.

Сам достал бутылку коньяка, налил два бокала:

— Давай выпьем, Валюша, за твою красоту, молодость, за жизнь!

Валя неумело взяла бокал, но Прохор подошел, помог поднять, поднести к губам и проследил, чтобы она выпила все.

— Мамочки, я никогда не пила, я буду пьяная.

Прохор сел на широкий диван, похлопал рукой рядом с собой:

— Валюша, сядь сюда, я тебе все объясню. — Он взял ее руку, заметил, что она мелко вздрагивает. — Валя, я тебя обманул, и ты это уже поняла. Я хочу побыть с тобой наедине, ты мне очень нравишься, но в деревне наши отношения сразу стали бы заметны. Валя, я хочу сделать тебе подарок. Закрой глаза.

Он достал из портфеля коробочку, вынул цепочку, встал перед девушкой на колени, осторожно накиннул цепочку на шею, крепко обнял вздрогнувшую девчонку и поцеловал в губы. Она отшатнулась, тронула цепочку, глянула на медальон.

— Я тебя не обидел, Валюша?

Она с вызовом ответила:

— Таким подарком трудно обидеть.

— Ты имеешь в виду цепочку или поцелуй?

— Наверное, цепочку, Прохор Григорьевич. А поцелуй — это как бы на сдачу?

Оба засмеялись, и опытный Проша понял, что все будет, как он планировал. Опять целовал и тискал девушку, она временами одумывалась, пыталась высвободиться, и тут Прохор сказал заветное:

— Валя, я прошу тебя верить мне, я влюбился в тебя сразу, как увидел. Мы должны быть вместе, я уже схожу с ума. Обними меня, любимая. Ты согласна?

Валя вся горела от поцелуев, от неожиданного предложения, она едва ли понимала, что говорит:

— Я согласна, Прохор Григорьевич.

— Валюша, милая, зови меня Прошей, мне так нравится.

— Проша, я согласна.

Он взял ее на руки и понес в спальню, она не сопротивлялась, когда с его помощью снимала платье, когда он целовал ее плечи, щекотал уши.

Они проснулись после обеда, Валя скинула одеяло и обняла Прохора, не веря столь многим переменам, вдруг случившимся в ее маленькой жизни. Прохор встал и вернулся с бокалом коньяка, предложил ей, она отмахнулась, он выпил до дна. Валя закрыла лицо руками и слезы потекли между пальчиков. Прохор сел рядом:

— Что ты плачешь, дуреха? Рано или поздно это должно было случиться — ну, не со мной, так с сопливым трактористом. Все будет, как было, мы работаем вместе, встречаемся, уезжаем от разговоров.

— А что дальше?

— Ну, Валюша, мы только начали наши отношения, пусть какое-то время пройдет...

— Ты меня не обманешь, Проша?

«Дура, я тебя уже обманул», — так и вертелось у него на языке, но в первый день доходить до такого хамства он воздержался.

К вечеру они вернулись домой.

18

Никита предложил брату взять пока в аренду, а потом и выкупить за самые малые деньги бывший совхозный магазин, в котором торговать уже было нечем, а закупать и возить продукты в конкуренции с братом — нет смысла. Прохор магазин осмотрел, про ремонт говорить не стал, но Никита опередил:

— Расходы на ремонт документально подтверди, сдадим в бухгалтерию, пройдет как арендная плата. И не скупись, все равно твое будет.

Трое мужиков за скромную плату привели помещение в порядок, в райцентре у несостоявшегося купца оптом забрал все оборудование, неделя ушла на подготовку. В последний день после смены, когда Галя зашла в кабинет, чтобы сдать выручку, Прохор попросил ее присесть:

— Галя, тебе нравится работа?

— Нравится, — скромно ответила она.

Прохор аккуратно искал подход:

— Я хотел предложить тебе поработать в новом магазине. Там будет и второй продавец, но я хочу, чтобы один был свой человек, проверенный, я бы даже сказал — родной.

— А Валентина здесь останется?

— Конечно, и ей найдем пару. Вот так у нас получится хорошо.

— Ничего хорошего я не вижу, Прохор Григорьевич, мы сестры, доверие полное, а в тот магазин проще двух новых взять, это же понятно.

— Ну, это тебе так кажется, а с точки зрения организации бизнеса мой вариант лучше. Подумай, Галиночка-Калиночка.

— Ой, Прохор Григорьевич, что за имечко вы мне подобрали! — засмеялась Галя.

— Какой у тебя смех приятный, век бы слушал. Ты согласна с моим предложением? Да, не сказал главного: ты там будешь за старшую, и зарплату мы тебе сделаем в два раза выше.

— А Валентине?

— Ну, что ты опять о ней? Валя останется здесь, хорошо, если ты просишь, а ты просишь, правда? Давай и ей увеличим жалованье.

— Тогда можно подумать.

— Галя, ты почему меня сторонисься, как бы стесняешься, что ли? Скажи, я тебе совсем не нравлюсь?

— Нравитесь, Прохор Григорьевич, вы хороший начальник, не грубый, в общем, нормальный.

— И это все? Галинка-Калинка, ты совсем не видишь во мне мужчину, а я, между прочим, холостой человек, ищу невесту. Вдруг к тебе посватаюсь?

Галина засмеялась:

— Что вы такое говорите, какая невеста? Мне бы хоть немного заработать, да учиться поступать. Не буду же я век карамельками торговать.

— Ладно, Галя, вопрос о невесте пока отложим, а по первому предложению ты согласна, тем более что мы решили по зарплате. Товар завезен, завтра и начнем принимать дела. У тебя есть подружка в напарницы?

— Ой, Прохор Григорьевич, а я спросить боюсь, думаю, что вы уже нашли. Я Любашу Зарубину позову, она девочка спокойная, чистюля и толковая, быстро освоится.

— Пусть она утром ко мне зайдет. Да, и про зарплату ни слова, это коммерческая тайна.

Развести сестер по разным магазинам Прохор надумал сразу после поездки с Валею, она слишком неосторожно вела себя при Галине; может быть, ей льстило почти родство с хозяином, может, простота деревенская сказывалась: если у нас любовь, то почему от сестры надо скрывать? Вечерами в машину она запрыгивала чуть не на ходу, целовала Прошу, жалась к нему. Они уезжали в сторону от дороги, Прохор принимал ее ухаживания, поцелуи, комплименты, но Валя как-то заметила:

— Проша, я тебе не интересна?

— Почему ты вдруг так решила?

— Не отвечай вопросом, ты стал другим.

Он обнял Валею, хотел, как прежде, горячо и с придыханием — не вышло, отпустил:

— Не обижайся, я очень устаю, потом у меня проблемы с деньгами, ничто другое на ум не идет.

Она опять успокоилась и несколько дней не задавала никаких вопросов. Новость о переводе Галины в другой магазин ее смутила:

— Проша, ты зачем нас разлучаешь? Галина одна не сможет работать, ее любая напарница облапошит. Да и мне чужой человек не нужен.

— Валентина, тут решения принимаю я. Галина будет в новом магазине, проверенный человек, понимающий. Ты же не хочешь, чтобы там торговали какие-то прощелыги? Она сама подобрала себе напарницу, по-прошу бухгалтера, чтобы почаще их проверяла, да и ты недалеко, поможешь.

— Ой, не нравится мне все это! — по-бабьи вздохнула Валентина, встала: — Ты сегодня приедешь?

— Буду за поворотом стоять, выскакивай налегке.

Валю так кольнуло это «налегке», но вида не подала, да и сам Прохор понял, что слишком напрямик предложил. Ничего, оба сделали вид, что ничего не случилось.

А ведь случилось, сердце не обманешь, куда подевались страсть и горячность Проши: в дом не приглашает, к другу тоже не ездят, только в машине и обнимет, а она чувствует — нехотя, как одолжение делает. Спрашивать — себя унижать, и без того видно. Нет, рюмкой коньяка она себя не корила, и раньше, почти сразу была у нее мысль завлечь солидного жениха, потому и не стеснялась в нарядах, всегда с улыбкой, и в кабинет заскочит кофе попить, пока в зале никого нет, пострекошет с хозяином. Она видела, что Прохор поглядывает на нее, только не доходило до глупой девчонки, что так кот смотрит на сало, грезился ей интерес и даже, может быть, влюбленность. А когда хозяин предложил поехать в город с фирмой разобраться, понимала дурочка, что весь альянс в ней заключается, что не доедут до города, раньше хвост распустит этот павлин.

Как его удержать? По нынешним временам, даже если и разойдутся, все равно найдет она себе жениха, но обида точила и жажда отмщения, если только позволит сама себе. Решила так: еще с месяц повстречаемся, не делает предложение — скажу, что беременна, а если на то пошло, то и отцу его скажу. Он мужик правильный и серьезный, заставит жениться.

Только знала Валентина из своей деревенской жизни, что насильно мил не будешь: гулеван-то под страхом суда или родительской расправы на все согласится, сватов подошлет, поулыбается на свадьбе, а через год на законных основаниях развод — характерами не сошлись. А щемило ретивое, тянуло к Прохору, завязались в тугой узел девичьи вздыхания, и уже никого не видела за ним, ни на кого смотреть не могла, и неуклюжие мальчишки, которые тискали в школьных коридорах и слюнявили у калитки, стали чужими и противными.

Знала, чувствовала, что он только и ждет прямого вопроса, чтобы все разом разорвать. Нет, не даст она ему такой возможности, а сам он не вдруг насмелится: хоть и пакостун, но трусоват, и понятно, что деревенской огласки он боится меньше, чем кулака отца. А почему, собственно, все должны знать? Что встречаемся — никто не знает, это точно, иначе Галина бы все равно услышала, а что расстались — никому не жаловаться, так и останется тайной. От таких мыслей чуток повеселело на душе, но вечерняя встреча, почти без разговоров и даже без поцелуев, Валя это впервые заметила, расстроила до слез. Вспомнилось вдруг где-то вычитанное: перестал целовать — первый признак, что любовь прошла. Написал это человек не с чужих слов, сам сердцем выстрадал.

Галина молодец: навела в новом магазине порядок, целый отдел выгородили под электронику, компьютер привезли, телевизоры, видеоаппараты. Торговля шла бойко, и Прохор был доволен. Забегая в магазин и дождавшись, когда выйдут покупатели, он ставил локти на прилавок и смотрел прямо в лицо девушки. Конечно, Галя смущалась:

— Прохор Григорьевич, не смотрите так, мне неловко.

— Тебе не нравится, что я на тебя смотрю? А мне очень нравится, потому что я скучаю по тебе, всегда думаю, когда же урву минутку, чтобы взглянуть на свою Галинку-Калинку.

— Что это вы так — на свою. Я пока ничья, и в том числе не ваша.

— Галя, не надо играть словами, я вот попрошу отца, чтобы он сватов к тебе направил — что ты на это ответишь?

Галина окончательно смутилась:

— Бросьте вы шуточки, Прохор Григорьевич, в восемнадцать лет выскочить и всю жизнь пеленки, кастрюли, стирки? Нет, я хочу учиться, хочу стать химиком, очень мне эта наука нравится.

Прохор даже обрадовался:

— Что же ты раньше не сказала? У меня есть несколько фильмов по химии, я в институте тоже интересовался. Приходи сегодня вечером, посмотришь.

— Нет, Прохор Григорьевич, вы лучше в магазин кассеты принесите, я тут погляжу.

Прохор сделал серьезное лицо:

— В рабочее время нельзя заниматься побочными делами. Так ты придешь?

— Конечно, нет. Неприлично девушке ходить к неженатому мужчине, да еще вечером.

— Ловлю на слове: а если днем? Галя, и помогла бы мне разобраться со шторами, купил новую ткань, а как со вкусом оформить — ума не хватает. Давай завтра после трех? Если хочешь, я тебя встречу и завезу на машине в гараж, никто и не увидит. Ну, не откажи, Галинка-Калинка!

Галя помолчала, потом сказала:

— Я подумаю.

На том и расстались.

На другой день Галина не вышла, и Прохор напрасно ждал ее в переулке. Утром первым вошел в открытый магазин, с укором посмотрел, спросил:

— Приготовьте заказ на товар, завтра машину отправляю. И повнимательней, не забудьте ничего, а то люди спрашивают, а нам и ответить нечего. Заказ заберу в конце твоей смены.

Галя удивилась: он так искренне обиделся, даже разговор совсем другой, такой и без обычных шуточек. Шевельнулось где-то в душе, видимо, есть старая струнка, которая на мужское внимание реагирует, поняла, что приятно. Но слава за ним такая, что лучше подальше держаться: на днях, говорят, какая-то девица из соседнего села у него гостевала. Может, врут. Не надо только вида подавать, что за собой какую-то вину чувствую, он живо ухватится. Не вышла, и все тут, не обязана по первому свистку выскакивать. Лишь бы только на работе не отразилось, ведь хозяин ей аванс выдал больше, чем она в том магазине зарплату получала. Валентина как-то осторожно поинтересовалась деньгами, но Прохор просил никому не говорить, и Галя назвала обычную сумму. Она не заметила, как облегченно вздохнула сестра, подозревавшая своего Прошу в интересе к Галинке, значит, только ей он зарплату повысил, о чем она тоже никому не скажет.

Отец Артем Сергеич за ужином каждый день спрашивал:

— Ну, торгаши, докладывайте, как дела. Прохор не обижает? Глядите, он еще тот ухарь, коляску подкатит, и глазом не моргнет...

— Отец, ну что ты такое говоришь девчонкам? Разве можно?

Галя все время смеялась, а в этот вечер серьезно ответила:

— Тятя, у нас теперь своя голова на плечах, ты нас караулить не набегаешься. Хозяин, конечно, заигрывает легонько, но лишнего не позволяет, правда, сеструха?

— Правда, — выдохнула Валентина и вышла из-за стола.

— Чего это она? — насторожилась мать. — Вроде не в себе?

— Да нет, просто устала. Народ ведь целый день, и каждому того сто грамм, того двести. А коробки по всему магазину вдоль стенки наставлены. Так напрыгаешься за полдня, что и голова, и ноги гудят.

Когда Галина вошла в комнату, сестра уже лежала в постели, отвернувшись к стене.

— Валя, ты не приболела случайно?

— Нет, устала. Ты никуда не пойдешь?

— Не пойду, мне завтра в первую смену, да еще заявку оформить. Ты хозяйина сегодня видела? Он с чего такой сердитый?

— Не видела, не знаю.

— Ладно, отдыхай, я в комнате почитаю.

Один Артем Сергеич уловил что-то недоброе, чужое в сегодняшнем кратком разговоре, не поверил он добродушным заверениям Галины, насторожил и первый тяжелый вздох Вали. Неладно сделал, что сунул девчонок в эту толчею, торговля всегда была гиблым местом, и всякие недобрые дела там творились, потому что деньги, потому что выпивка всегда рядом.

— Мать! — толкнул он в бок засыпавшую жену. — Ты не замечала, чтобы девки с работы с винным духом приходили?

— Бог с тобой, Артюша, как только такое на ночь глядя в голову придет, чтоб родное дите с вином связалось с таких лет. Спи!

20

Роман был рад, что сам Треплев на встречу с избирателями не придет, будут два заместителя и кто-то из мелких чиновников. Июнь, жара, все в рубашках с галстуками. Роман увидел в зале отца — в пиджаке с орденом Трудового Красного Знамени, который на рубаху не прицепишь. «Точно, будет выступать», — понял Роман и, глянув на часы, открыл встречу.

Заместитель главы по сельскому хозяйству долго мямлил о больших надеждах на урожай, что-то пытался говорить об успехах фермерского движения, но его освистали. Когда скука стала одолевать полусомлевший от жары зал, старший Канаков выкрикнул:

— Прошу слова!

Роман хотел было сказать, что прения еще не открывали, но, глянув на высоких гостей, уже безразличных, предоставил слово отцу.

Григорий Андреевич вышел вперед, поправил пиджак, звякнув орденом, кашлянул:

— Вот собрали тут нас власти, чтобы объяснить тупым и убогим, что мы живем хорошо, а не замечаем этого, потому что надо присмотреться. Господин в галстук пугает Зюгановым и коммунистами; вот я, уважаемые односельчане, вечный коммунист, конечно, теперь уж не красавец, но на страшного не согласен. Так что не надо народишко смешить, господин хороший. Не буду ничего говорить, хотя много накипело и прямо-таки прет выложить, но принесла мне вчера учительница наша уважаемая Вера Алексеевна бумагу: написала в районку, не стали печатать. Говорят, господин Треплев перешел на полставки в цензоры и сегодня, как в былые времена граф Бенкендорф, просматривает все газеты до печатанья, так вот, он лично запретил, но я прочитаю это письмо Веры Алексеевны.

— Я протестую! — закричал человек в галстук, и Григорий Андреевич резко повернулся к столу президиума:

— Пришей свой протест к протоколу, чтобы перед Треплевым отчитаться, а мне больше не мешай, я у себя дома, а ты неизвестно откуда взялся.

— Читай, Григорий Андреевич! — гудел зал.

— Читаю: «После выхода на пенсию я принялась трудиться по хозяйству, читать художественную литературу и смотреть по телевизору многосерийные фильмы о красивой жизни. А еще по вечерам — информационную программу «Время» смотрю с нарастающим интересом. Это и понятно: что ни день — новые сногшибательные открытия. Уснула однажды в одном государстве, а проснулась в совершенно другом.

Пошла жизнь прекрасная и удивительная. Ведь раньше-то что было: не страна, а сплошной лагерь (и как это я сама не догадалась, спасибо, девушка по телевизору объяснила). Был сплошной беспросветный тоталитаризм. Теперь же я — свободный человек в свободной стране. Такой свободной, что даже цены в ней нынче, и то свободные. Не прекрасно ли?

Вот показывают каких-то бездомных людей с узлами, с обшарпанными чемоданами, расположившихся прямо на полу вокзала. Что это за люди, кто они? Оказывается, беженцы. Беженцы во время войны — это понятно. Но где и когда было, чтобы тысячи людей оказались беженцами в мирное время?

В телепередачи постоянно вклинивается (новое дело) реклама.

Показывают продуктовый магазин и в его витринах не то пять, не то шесть видов сыра и не меньше десяти сортов колбасы — от докторской до салями. Как хорошо-то! Но следом идет другая картина: пожилой человек роется в железном мусорном ящике. Что он там ищет? Может, кто по ошибке выбросил туда хорошую вещь? Но он вытащил из ящика полбатона хлеба и положил в свою сумку! Может, он взял для своей собаки? Но вчера показывали набор самой разной еды для собак. Взял бы да и купил. А то как-то некрасиво. Свободный человек в свободной стране при свободных ценах не хочет, скупердяй, купить для любимой собаки хороший кусок мяса.

Радуюсь изобилию всяких товаров. Но купить их могут лишь пять, ну, пусть десять из ста «свободных» жителей: цены такие, что люди в оборок падают. Не изобилие это, а издевательство над людьми: око видит, да зуб неймет.

Радостно осознаю, что кончилось трижды проклятое застойное время и я, свободный человек, живу в свободной цивилизованной стране, о чем мне не забывают напоминать по телевизору — и не хочешь, да поверишь. Сегодня показывали автомобили разных марок: лады, тойоты, вольво, мерседесы. И никаких очередей. Выбирай, садись и поезжай. С удовольствием уехала бы, но на мои деньги теперь одно колесо едва ли купишь. А потом показали Канарские острова: зелено-голубое, изумрудное море, пальмы, золотой песок. А на песочке загорают веселые благодушствующие люди. И телевизионная красавица предлагает совершить путешествие на эти острова, обещая райский комфорт. Да, уж какие там Канары, когда не знаешь, как свести концы с концами!

Врачи рекомендуют побольше фруктов, соков, свежий творожок со сметаной, сыр. Да только не говорят, где на это все денег взять, как за ценами угнаться. Забывают, что мы, старики-пенсионеры, теперь не просто бедные, а нищие. Порой в моей голове мелькает мысль: чем жить на старости лет в унижении и нищете, может, лучше уснуть и не просыпаться?

Вот такое письмо. Автора я назвал, но под ним может подписаться каждый советский человек, это вам, товарищи земляки, бюллетень для скорого голосования!

— Ясно!

— Молодец, Канаков, провел агитацию!

— Закрывай собрание, Роман Григорьевич, дышать нечем!

— Все понятно, вы только лозунг «Ельцин — наш президент» с собой заберите, нам он без надобности...

Две машины районной администрации с гостями уехали на трассу.

— Ты почему гостей чаем не напоил или пивком холодненьким? — спросил старший Канаков младшего.

— Все, папка, результат выборов виден уже сегодня, и приказ о моем освобождении тоже просматривается.

Отец был благодушен:

— Ты сильно не переживай, освободят — к Никитке пойдешь в помощники, ему крайне нужен свой человек, потому что воровать удобнее с людьми близкими. Вот и будет у вас пара кашемирова.

Подошла Марина:

— Папка, вы сильную речь сказали. Понимаю, что Роману она не очень по душе, но как здорово вы все расставили. Я больше чем уверена, что половина проголосует за Зюганова.

Старший Канаков покашлял:

— Времена наступили, дочка; сын против отца, отец против сына, пока еще словесно, но, не дай Бог, дойдет до кулачков. И мужика твоего запросто могут с работы турнуть за такие выборы, видишь, как оно... Но отступить никак нельзя, дети мои, им еще один срок дать, и от России ничего не останется.

Марина испугалась:

— Уж больно вы круто, Григорий Андреевич. Такого же не может быть!

Канаков-старший вздохнул:

— Молодежь, вроде грамотные, неглупые, а простых вещей не понимаете. Я у Маркса читал и себе выписал в тетрадку: если дело сулит капиталисту триста процентов барыша, он не остановится ни перед каким преступлением. Поняла? Ладно, пошел я, устал сегодня сильно.

Так хитрый зверь выслеживает и усыпляет бдительность своей жертвы: то голос подаст, то на ветряную сторону выйдет, чтобы жертва дух его чуяла и заранее умирала от страха. Ходит кругами, ловит единственный момент — и жертва, даже мякнуть не успев, оказывается в его мощных лапах. Так обхаживал Прохор Галину, такие перед нею ковры расстилал, такие слова говорил, подарки она уж домой не носила, боялась, что Валентина может увидеть и спросить. И в дом к нему уже заходила свободно, без опаски. Он хорошо помнил ее главный аргумент: «учиться надо», потому как-то за чаем, спиртного Галя даже на стол не допускала, вынул из сейфа толстую пачку долларов и сказал, что это квартира в городе, и, если Галя согласится выйти за него, он оставит на магазинах Валентину за старшую, и они будут в городе вместе, он работать, она учиться. Наверное, последней каплей подлости стала бархатная коробочка с обручальными кольцами. Прохор сказал, что в воскресенье к обеду с родителями

и братья придут свататься. Вот и потеряла рассудок девчонка, залилась слезами счастья и радости, обняла своего завтрашнего жениха, а тот только этого и ждал. Напрасно шептала Галинка-Калинка слова-отговорки, напрасно слабенькими ручонками упиралась в его давящее тело, он только жестоко целовал ее, кусал шею, грудь, бормотал о свадьбе и о любви.

Когда стемнело, она вышла из дома Прохора и на тропинке встрети-лась с отцом его, Григорием Андреевичем. Он даже не кивнул, не узнал, слава Богу; она пришла домой, еще раз обмылась в теплой баньке, оде-лась и вышла через переулок к озеру. Красивое место, здесь они с Вале-й пасли гусят, караулили их от коршуна и от кошек, а потом, когда те вы-растали, никак не могли выманить их с воды, видно, осталось где-то в глубинах их памяти, что гусь должен на воде спать. И спали. Никто не тревожил, отец иногда ходил, проводывал.

Галя прошла по берегу, ступая во влажный песок, сбросила босо-ножки, ноги ощутили тепло нагретой воды, ласковую шероховатость пес-ка. И вдруг как высветило: в прошлом году они с Мишей провели тут целую ночь. Вот так же гуси застыли на воде и спали, уткнув свои клювы под мощные крылья, так же лопушки отбрасывали лунный свет, и кув-шинки закрылись до поры, почему их называют балаболками — смешное слово, но никто не знал. Мишка уже окончил первый курс института, приехал на каникулы, помогал отцу сено косить, картошку окучивать. Встретились у магазина, улыбнулся:

— Здравствуй, Галя, я тебя едва узнал, ты за этот год такая девушка стала.

Галя смутилась: нравился ей Миша в школе, но у него был свой круг друзей и подруг, а Галя, восьмиклассница, его ничуть не интересовала.

— Какая была, такая и есть.

— Нет, Галя, ты стала красивая, и я тебя даже боюсь.

— Ну-ну, это тебя в городе так научили к деревенским девчонкам под-катывать: ой, боюсь, ой, стесняюсь, пожалейте меня!

Оба весело рассмеялись.

— Галя, если ты свободна, давай вечером погуляем. Согласись, пожа-лей меня.

Так хорошо стало Галине, так радостно:

— Так и быть, спасу твою душу, приходи на озеро к нашей пристан-ни, как стемнеет.

Едва дождалась темноты, Валя в клуб убежала, кое-как отвязалась от нее, а тут мама:

— Ты куда это, девка, на ночь глядя?

Дочь не стала скрывать:

— Мама, Миша Андреев пригласил погулять. Ты не переживай, спи.

Мать кивнула:

— Мишка парень хороший, и родители у него приятные. С ним погу-ляй, он плохого не дозволит.

Миша ждал, сидя на старой опрокинутой лодке, увидел Галю, встал, взял ее за руку.

— Красиво тут. Я тоскую в городе по деревне, по людям, по обстанов-ке. В городе люди другие.

— Хуже?

— Нет, но другие. Тебе не понять, надо прожить хотя бы с год, тогда разница станет заметной. Расскажи, как твои дела, что в школе?

Галя рассмеялась:

— Миша, какие у меня могут быть дела? Влюбиться бы надо, да не в кого, нынче в десятый пойду, а дальше — темный лес. Даже если и поступим с Валею, родителям не под силу будет двоих содержать. Вот ты как живешь?

Михаил скинул курточку и постелил ее на дно опрокинутой лодки. Они сели рядышком.

— Мне легче, Галя, я попал на бюджетное место, даже стипендию получаю. И только за счет спорта. Если помнишь, мы в футбол здорово играли, я еще школьником попал в сборную области, потому и заметили. Есть ребята на платном отделении, но тоже разные, короче говоря, деревенских почти нет, так, сынки чьи-то бластные.

Галя повела плечами: от воды потянуло прохладой. Михаил осторожно обнял ее за плечо и подвинулся поближе:

— Так теплее?

— Теплее, Миша. Ты знаешь, теперь это уже никакого значения не имеет, потому скажу. Я в восьмом классе за тобой бегала, ну, так говорят. Ты мне очень нравился, но совсем не обращал внимания, не замечал. Я даже плакала. — Она счастливо засмеялась.

Михаил помолчал, потом спросил:

— А сейчас, Галя, сейчас я тебе нравлюсь?

— Зря я тебе это сказала, — посуровела Галина. — Можешь подумать черт знает что. Ты теперь городской, получишь высшее образование, у тебя там выбор — тысячи девушек.

— А если мне не надо тысячи, а только одна, и она сидит рядом со мной и дает глупые советы. Ты мне очень нравишься, Галя, правда, я сегодняшнего вечера кое-как дождался. И мне очень хорошо с тобой.

Галя прижалась к нему:

— Мне тоже хорошо, Миша.

— Можно, я тебя поцелую? — Он уложил ее головку себе на колени и стал нежно целовать мягкие податливые губы, она прижималась к нему, выпрастывала губы и сама принималась целовать — неумело, с причмокиванием. Он чуть отвернул воротничок кофты, прижался к истокам ее груди и, боясь лишних движений, вдыхал удивительно чистый пряный запах милой девушки. Она подняла его лицо, поцеловала в губы и спросила:

— Миша, а если я тебя люблю? Если я сегодня на все согласна, что ты скажешь?

Парень опять обнял ее:

— Глупышка, ничего я тебе не скажу. Ты мне очень нравишься, очень, может быть, завтра я скажу, что не просто влюбился, а люблю тебя. И хорошо, что ты призналась. Если у нас будет настоящая любовь, мы будем встречаться, целоваться и, в конце концов, сыграем свадьбу.

— Миша, ты не подумай про меня плохого, я тебя проверить хотела.

— Как я могу думать про тебя плохое, если мы с тобой с сегодняшнего дня самые близкие люди? Ты мне веришь?

— Верю.

— И я тебе очень верю.

Они просидели на берегу до рассвета, и только утренняя прохлада погнала их в деревню. У ограды Миша тихонько поцеловал Галю, и она открыла калитку.

Утром Михаила срочной телеграммой вызвали в город, он уехал, всех парней с их курса, кто не сумел откупиться, призвали в армию, а осенью

пришло извещение, что Миша пропал без вести. А еще через месяц приехал парень без руки и с обожженным лицом, сказал родителям, чтобы не ждали и не искали: в Чечне Миша подорвался на фугасе, а после такого от солдата остается только фамилия. Командиры, чтобы скрыть потери, объявили с десятков ребят пропавшими без вести.

Галя не плакала. У нее не осталось даже письма, даже фотографии. Остались воспоминания об одной ночи, проведенной на берегу старого озера.

22

На открытие избирательного участка собралось много народа, но митинга, как в прежние годы, не было. Григорий Андреевич проголосовал одним из первых, пожал руки членам комиссии и положил перед председателем мандат наблюдателя:

— Ты не сомневайся, Игорь Владимирович, закон избирательный я изучил от корки до корки, свои права и обязанности знаю назубок, так что мешать не буду, а буду наблюдать.

Роман Григорьевич отозвал председателя в сторонку:

— Вы с ним в спор не вступайте, если делает замечание — фиксируйте. Если он начнет возмущаться, нам его всей деревней не остановить.

Люди шли и голосовали, торговли колбасой и пивом, как в старые времена, не было, гундела какая-то музыка, ни песен, ни басен.

— Максим Павлович, ты чего ждешь? Голос свой отдал, шуруй домой.

Максим, ехиднейший говорун, ответил:

— Нет, я дождусь, на одной ноге такую даль кандыбал, да без стопки обратно? Нет, дождусь.

Мужики знали, кого надо расшевелить:

— А чего ждать? Подавать не будут, это же ясно.

— Как не будут? А горячий обед? Он без стаканчика не обходится.

— Какой горячий обед, о чем ты, Максим Павлович?

— Да ты погляди кругом, мы же на похоронах. И тихо, и музыка такая, что впору рыдать, и урны с прахом уже опечатаны. И народишко выходит, как из мавзолея, с понурой головой.

— А ты бывал и в мавзолее?

— Да на что мне смотреть на этого лобастого. Потом Никитка был, тоже на «прическу» богат. Зато у Лени волос было что на голове, что на бровях — на всю партию хватит.

— Ты, Максим, поаккуратней, здесь Григорий Андреевич, он тебе этого не простит.

— Верно, видел. Жалко мужика, толковый, хозяйственный, а вот спутался с марксизмом, и никуда без него.

— Подожди, дядя Максим, а ты за кого голосовал?

— Поясню для бесполовых. Ну, за кого я, фронтвик, калека, мог голосовать? Я спросил: кто из этих красавцев за старую жизнь? Мне сказали номер, вот я его и открыжыл, и старухе велел, только она наврет все, бабахнет за Жириновского, и его сразу выберут.

На хохот вышел Роман Григорьевич:

— Я смотрю, настроение у вас боевое, проголосовали, теперь будем ждать результатов.

— А чего их ждать, Роман Григорьевич, если вам задание довели, сколько процентов должно быть за Ельцина?

Роман смутился, но тут же ответил:

— Это провокационные разговоры, товарищи, голосование продолжается, и мы не имеем права на избирательном участке обсуждать, кто и как голосовал.

Канаков-старший только докладывал председателю, с кем он поедет на выездное голосование, сажился в машину, вместе с членами комиссии заходил в дома к престарелым и больным людям, никто при нем не отваживался указать избирателю, где ставить птичку. Несколько раз старушки просили:

— Дочка, я ничего не понимаю, мне все время показывают, где водить крестик.

Канаков пояснял:

— Нельзя, Марфа Петровна, ты сама должна выбрать.

— Ой, Григорий Андреевич, а я ведь тебя не признала. Покажи-ка мне, дочка, где тут коммунист самый главный, за него проголосую.

Председатель комиссии пригласил Канакова в отдельную комнату:

— Григорий Андреевич, я вам запрещаю выезжать с урной на голосование, вы своим присутствием проводите агитацию.

Он, видимо, все-таки плохо был проинструктирован, что с Канаковым так разговаривать нельзя.

— Простите, мил человек, или я вас не понял, или вы ни хрена не понимаете, хотя сидите в кресле председателя. Мне теперь что, раствориться? Своим видом я агитирую?! Да это же похвала из ваших уст! Буду ехать туда, куда захочу, но водить руками стариков в пользу одного из кандидатов не позволю. Я все сказал, ты свободен.

И проводил раскрасневшегося председателя на его место.

Когда закончилось голосование, пересчитали оставшиеся бюллетени, завернули их в бумагу и опечатали сургучной печатью. Роман взял пакет и понес его в комнату, у порога его встретил отец:

— Положи на стол, чтобы все видели.

Перед вскрытием урн провели совещание, распределили, кто какие бюллетени считает, сдвинули столы. В центре два члена комиссии с одной стороны, два с другой считали бюллетени Ельцина и Зюганова. Григорий Андреевич не скрывал своей радости: Зюганов на участке выборы выиграл с заметным перевесом. Потом пересчитывали еще по разу, долго писали протоколы, один экземпляр после сверки цифр старший Канаков забрал и ушел домой.

На повторном голосовании обстановка была напряженной, члены комиссии то и дело соскакивали со стульев и давали разъяснения. На крыльце Дома культуры какие-то незнакомые молодые люди на нижних ступеньках встречали людей, до самых дверей провожали.

— Это что за конвой? — строго спросил старший Канаков председателя комиссии.

— Простите, я их не знаю, — ответил тот и убежал в зал.

Григорий Андреевич нашел Романа:

— Что за агитбригада у тебя орудует возле участка?

Тот пытался отречься, но отец наступил ему на туфлю, прижал к земле и прошептал на ухо:

— Если через пять минут они еще тут будут, я тебе голову отверну прилюдно. Исполни!

Чужаки исчезли, подъехал на своей «Ниве» Романчук, проголосовал, подошел к Канакову, пожал руку. Тот рассказал о визитерах.

— Вы их прогнали, они на другой участок переехали. У них технологичный много, и они упор на деревню делают, потому что деревня дисциплинированной, активной. Только едва ли так можно спасти положение: я думаю, в случае явного проигрыша они пойдут на откровенную фальсификацию.

— Сергей Иванович, протоколы я у них изыму.

— Эх, Григорий Андреевич, если бы все строилось только на протоколах...

Когда районная газета опубликовала сводную таблицу результатов финального голосования, Григорий Андреевич ничего не мог понять: по его избирательному участку цифры были совсем не те, что значились в его заверенной печатью копии. Он еще раз нацепил очки и сверил: так и есть, оказывается, большинство не у Зюганова, как было, а у Ельцина, и на двадцать процентов больше. Схватив газету, он побежал в администрацию, с Романом столкнулись в коридоре:

— Это что? Что это, я тебя спрашиваю?! Как нарисовались эти цифры, которых нигде не было и быть не может?!

Роман сгреб отца в охапку и уволок в кабинет, наглухо закрыл обе двери.

— Папка, не кричи так, вся контора сбежится!

Канаков продолжал кричать:

— Я тебе не папка, а представитель коммунистической партии на выборах, и я тебя, подлеца, спрашиваю, как получилось, что выборы выиграл один, а победа присуждена другому?

Роман побагровел:

— Да успокойся ты, наконец! И говори тише. Это не моя вина, все изменения внесены в районе. А им приказала область, ты это понимаешь? Что я мог сделать? Если ты сейчас поднимешь шум, то результат будет один: меня выпрут с работы. Папка, это система, ничего изменить нельзя.

Канаков выслушал сына до конца, а потом безнадежно спросил:

— Ты же сам возил документы в район, сопровождал, при тебе пачкали результаты народного голосования, измывались над волей твоих людей, твоих земляков. И ты все это молча проглотил, как кусок дерьма? И кто ты после этого? Вот скажи, ты сам себя уважаешь?

Роман почти плакал:

— Папка, там присутствовал сам Парыгин, это такой хлюст, он с Чубайсом на «ты».

— Брось! Я с этим засранцем тоже на «ты», если бы довелось хоть раз в рожу ему двинуть. Мне надо знать, как ты жить собираешься среди этих людей, которых предал, за портфельчик, за «Волгу», за поганое жалованье? Ладно, это тебе решать, а мое слово такое: немедленно подаешь на увольнение, сдаешь все дела, а потом думать будем. Завтра утром придешь и все расскажешь.

Утром Роман к отцу не пришел, а вечером прибежала Марина:

— Папа, Роман в дым пьяный приехал, сказал, что Треплев его заявление порвал, оставил на работе; просит прощения у вас, сказал, что покончит с собой, если вы не простите. Я ключи от ящика с ружьем спрятала. Я боюсь, папа!

Матрена Даниловна охнула и села у стола. Григорий Андреевич усадил Марину, вытер чистым полотенцем ее слезы и улыбнулся:

— Марина, милая моя дочь, с мужиком тебе немислимо повезло. Он тряпка; если бы физией на меня не нашибал, обвинил бы мать, что при-

гуляла. В нем моей твердости ни грамма нет. Ключ от ружья положи на стол, такие малодушные не стреляются. Если он Треплеву не дал в морду — какое самоубийство? А по существу-то, он давно себя в себе убил, вот как пошел этой власти служить, так и кончил. Отдохни, попей чайку, мать, стоноши. С Романом еще один разговор сделаю. Только независимо, Марина — ты и детки твои — мое родное, я вас не брошу и от себя не отпущу.

Утром старый Канаков был первым посетителем у главы сельской власти. Вошел в кабинет, присел без приглашения, огляделся, новенький портрет Ельцина за спиной сына, новые часы на руке тоже заметил — премия, должно быть.

— Пришел сказать тебе, Роман Григорьевич, что с сегодняшнего дня не стало у тебя родного отца, пусть тебя эти, — он кивнул на портрет, — эти пусть тебя усыновляют. Дорогу ко мне забудь, с матерью выдайся где на стороне, но Марину и деток не смей от нас отбивать. Случится, помру — за оградой выноса дождешься, оттуда проводишь вместе с народом. Все, прощай.

И пошел к дверям. Роман выскочил изо стола:

— Папка, прости, ведь я твой сын!

Старший Канаков на мгновенье остановился, дрогнуло что-то в душе, но пересилил, переломил, молча хлопнул дверью. Заскочившие в кабинет перепуганные сотрудницы увидели Романа Григорьевича на коленях, уронившим голову в то место, где только что ступала нога его родного отца.

23

Вечером Канаков-старший пошел в Дом культуры, нашел паренька, которого назвали художником, достал из кармана листок и подал в измазанные краской руки специалиста. Сказал, чтобы к утру щит с текстом висел на рекламной рамке в центре села.

— Аванс, — с трудом выговорил живописец, и Григорий Андреевич взял его за ворот куртки:

— Когда напишешь и вывесишь, тогда и аванс, и зарплату получишь. Даю слово, что не обману, ты меня знаешь.

— Тяжело без аванса.

Но Григорий Андреевич уже не слышал, по его просьбе в библиотеке девочки писали бумажные объявления. Текст был один: «22 июня с.г. в ДК состоится собрание пайщиков кооператива «Кировский» и всех жителей села. Вопрос: О руководстве кооператива. Отчет председателя Канакова Н.Г. Начало в 8 часов вечера. Прибыть всем».

Никита, увидев объявление, с утра всех поднял на ноги. Первым позвонил Треплеву, кратко изложил суть. Треплев выругался:

— Я пришлю юриста и начальника сельхозуправления. Акционирование отменять нельзя, я уже почти все вопросы решил по регистрации. И что у вас за отец такой — его детей тянут всеми силами к светлой жизни, а он уперся в марксизм, да хоть бы что понимал в нем!

Никита возразил:

— Это вы напрасно, Ермолай Владимирович, он из Маркса главное усвоил — о прибавочной стоимости и безнравственности капитала.

Треплев засмеялся:

— Вот старики пошли! Главе района некогда газету как следует по-

смотреть, а они Маркса изучают. Я думаю, надо сразу предложить людям график выплат за натуральные пай, тогда они заткнутся. Я могу вложить десять тысяч баксов, да ты столько же найди. Сколько всего дольщиков?

— Около двухсот. Но часть добрых мужиков оставим работать, с ними можно и попозже.

Треплев махнул рукой:

— Выдай всем под роспись, только заголовок оформи правильно, что это аванс за приобретенное имущество бывшего кооператива. И посмелее, все равно будет так, как я сказал. Деньги привезет водитель.

Собрал своих приближенных, которым тоже пообещали по пять процентов акций, это все конторские.

— Отчет у меня будет краткий, надо найти по одному-два человека, чтобы выступили в поддержку акционирования. Это хороший шанс выжить, иначе спустим все и пропадем.

Никто из них энтузиазма не проявил, встал молодой человек, агроном Воронин:

— Никита Григорьевич, от всей этой процедуры дурно пахнет аферой. Я отказываюсь в ней участвовать.

— Вот как? — деланно удивился Канаков. — Кто еще у нас брезгливый?

— Да все, — с места ответила старый совхозный экономист. — Никита Григорьевич, откажитесь от акционирования, обсудим с людьми, что можно сделать, чтобы устоять, у меня тоже есть расчеты.

— Ладно, свободны.

Никита охватил голову руками. Как хорошо все шло, все бумаги подготовлены, проверены во всех инстанциях, осталось зарегистрироваться и начать выкуп имущества. Никто бы и не пикнул, тем более что деньги выплачивались неплохие, и за что? За тракторное колесо, которое тебе приходится по паю, или часть стены коровника, которую ты домой никогда не утащишь? И надо же было болтануть отцу! Хотя рано или поздно он все равно об этом узнал бы, и скандал был бы ничуть не меньший. А собственно, что я расстроился? Отчитаюсь, все цифры под руками, от акционирования отрекусь, скажу, что только собирался, но без согласия коллектива... В общем, пойдет, и никто ни к чему не прикопается. Зашел к экономисту, извинился, сказал, чтобы готовила свои предложения.

Народу в клубе набилось много, мужики толпились у входа в зал, мест уже не было. Никита приказал снять стол со сцены и поставить в зале, быть ближе к народу. На поданные со сцены стулья сели конторские.

— Будем начинать, товарищи?

— Пора!

— Открывай!

Никита глазами нашел отца, тот сидел на крайнем месте, значит, будет выступать. А что он имеет сказать? Да ничего, кроме вечного недоверья и сравнения совхоза с кооперативом.

А Григорий Андреевич много передумал за сегодняшнюю бессонную ночь и день, проведенный в дороге в район и хождениях по старым друзьям-приятелям, у кого дети или близкие люди работали в нужных ему конторах. Возвращаясь вечерним автобусом, он сам себе задал вопрос: а может, не надо вмешиваться в Никиткины дела, ну, вся страна воровская, выведу сегодня Никитку, сына своего, на чистую воду, а ведь мне одному всех на чистую воду не вывести, руки короткие, да и жизни не хватит. Может, сжаться до величины расхристанного сердца, да пожалеть Никит-

ку и жену его, и детей их, да не доводить до обмороков старую свою жену, она и так сдала в последнее время: или больше меня знает, или сильней переживает. Никита без него собрание проведет спокойно, он не дурак, говорит точно, кратко, не в пример многословному Ромке. Хороший был бы председатель по тем временам.

А какие были мужики! Грамотешки мало, но ночей не спали и людям не давали, все старались для колхоза, и труды их не пропали, их усилиями создавались коллективные хозяйства и воспитывались те люди, которые ценою собственного недоедания прокормили воюющую с фашистами армию и рабочий класс у станков. Ценою отрешения от будущего оплачивали государственные займы на восстановление разрушенной промышленности, играли с государством в безвыигрышные лотереи нескольких пятилеток, сдавали все до зернышка и при том умудрялись следующей весной сеять. Это они, вынужденные, помимо оплаченной «палочками» колхозной работы, вести какое-никакое домашнее хозяйство, чтобы не сдохнуть с голода, да еще сдавать Родине все: мясо, молоко, яйца, и «полторы овчины с овцы» — мера, обязывающая получить приплод, если хочешь сохранить свою шкуру.

А каких высот достигли, грудь в орденах, тот Герой Труда, а тот депутат Верховного Совета. Всех знал и уважал Григорий Андреевич, вместе с ними в партию вступил, рядом жил и вечно учился. А какие были председатели колхозов, руководители?!

Мог ли он поставить рядом с ними сына своего родного? Нет, не мог, это значило унижить тех, кто остался в памяти святым и чистым человеком. Повинен сын и будет призван к ответу, а коли дело это общественное, то и казнь его моральная тоже должна быть при обществе.

Он, опустив голову, слушал доклад сына, расчеты экономиста, размеренную речь районного начальника, который задавал цифрами, гектарами, тоннами, а в конце заговорил про успешное акционирование, но в других хозяйствах.

— У вас эту кампанию проводить пока рано, — заключил начальник.

— Будут ли какие вопросы? — спросил Никита Григорьевич.

— Вопросов будет много. — Григорий Андреевич встал. — Первый к районному начальнику: при акционировании рядовые крестьяне что имеют?

Начальник помялся:

— Ну, как вам сказать?

— А ты говори прямо: ни хрена они не имеют, сунут им копейки с барского стола, и они уже никто, плаху на гроб покупать придется. Садись. Теперь вопрос к нашему начальнику господину Канакову: так все-таки акционировали вы наш колхоз или нет?

Никита встал:

— Я только что все объяснил, мы работаем в формате кооператива с перспективной акционирования. Другого пути нет.

— Ясно. И ты садись. Теперь последний вопрос к народу: сколько мы будем терпеть эту ложь, это вранье?! Вот бумага, я сегодня день потратил, чтобы ее добыть. Это свидетельство о регистрации акционерного общества «Фортуна», а учредители — жена главы района Треплева, еще чья-то жена или любовница, не разобрался, и наш уважаемый председатель Канаков. Вот он, документ! — Григорий Андреевич потряс над залом пачкой бумаг. — Уже все на мазах, осталось только вписать в реестр, но что-то задержались. А теперь решайте по председателю, я предлагаю господина Канакова из правления вывести и с председателей снять.

Жуткая тишина нависла над залом, потом люди заперешептывались, загудели, но Никита Григорьевич, пролистав все бумаги на столе, встал: — Уважаемое собрание, в зале присутствует меньше половины членов-пайщиков кооператива, потому собрание неправомочно решать вопрос о председателе. Повестка дня исчерпана, собрание объявляю закрытым.

Канакон-старший вышел вперед, да и народ остановился, словно ждал чего-то:

— Никита, пока народ не разошелся, Богом тебя прошу, хоть и не верю, нет веры, но прошу тебя именем матери твоей, святого человека, все скажут: брось все это, до добра не доведет гоньба за золотом, не нами замечено. Ты же честным был человеком, сдай дела, а работу найдешь, ты же парень толковый.

Никита сложил бумаги в шикарную, под крокодила, папку, взглянул на отца с сочувствием:

— Григорий Андреевич, здесь не место для проповедей, что христианских, что коммунистических. Я хозяйственник, у меня бизнес, у меня семья, ваши внуки, кстати, так что последовать вашему совету я не могу.

— Закрой рот! — тихо сказал отец. — Закрой, иначе не постесняюсь добрых людей и заткну его кулаком. Ладно, соглашаюсь, внуки мои, и сноха моя, а ты мне с сей минуты не сын. При всех говорю: отрекаюсь. И видеть больше не хочу!

Григорий Андреевич тяжело шел домой, сел на лавочку, откинулся на спинку. Эх, Никита-Никита, какой был парень, какая была надежда у отца с матерью, а вот испытания рублем не выдержал. Лариса плачет: он только о деньгах, ничего не читает, даже кино не смотрит, закроется в своем домашнем кабинете и целый вечер с кем-то говорит по телефону. Лариса однажды прислушалась через стенку — продает кому-то десять бычков, потом договорился, что завтра же за наличку заберут тридцать тонн семян озимой ржи. Потом неосторожно звякнул ключами от сейфа, наверное, деньги положил, а может, пересчитывал, Лариса однажды застала его за этой увлекательной процедурой, он смутился, потом развел руками:

— Бизнес, Лариса, должен приносить деньги, иначе день прожит зря.

— У Елизаветы температура вторые сутки, а ты даже не поинтересуешься.

Никита встал, обнял жену:

— Ты же у меня на хозяйстве, я целиком на тебя полагаюсь. Ну, хорошо, давай завтра свозим ее в больницу. Стоп, завтра я не могу. Я пришлю тебе машину, съездите сами.

Это он вспомнил, что утром придут машины за семенами.

Что он мог сказать любимой своей невестке? Муж жулик, и что делать? А сегодня и того тошней: родной отец с работы снимал, да не получилось. Как дальше жить? Как людям в глаза смотреть? Матери все равно кто-нибудь доложит, опять сляжет.

И о сегодняшней новости ей тоже тихонько скажут.

Галя старалась избегать Прохора, но куда денешься, если он приходит в магазин и в упор спрашивает:

— Ты как-то косо на меня смотришь, Галина, может, вечером встретимся?

Галя не поднимала головы от прилавка:

— Нет, не встретимся.

— А на что обида? Такую ночь провели, почти первую брачную, — поселился Прохор.

Галя вскинула взгляд:

— Вот именно, что почти. Уходите, Прохор Григорьевич, если будете досаждать, я уволюсь.

— И куда? — Прохор захохотал. — Где вас ждут, крупный специалист по химии? И девушкой вы оказались довольно слабенькой, за первые же золотые побрякушки на шею кинулись.

Она схватила с прилавка тяжелый калькулятор и метнула в него, но Прохор увернулся. Галя открыла кассу, отсчитала свою зарплату и бросила хозяйину ключи. Переодеваться не стала, так в рабочем костюме и ушла домой.

Валя отработала утреннюю смену и была дома, лежала на своей кровати лицом к стенке. Галина села около сестры:

— Валюша, у тебя болит что-то? Ты последнее время сама не своя. Что болит, сестрица?

— Душа, Галя, болит. И так болит, что хоть в петлю...

Галя вздрогнула:

— Бог с тобой, ты даже не думай такого, не то что говорить! Мама услышит или отец — с ума сойдут от одних только дум.

Валентина повернулась на спину:

— Подожди, ты же на смене должна быть, и что случилось, что ты при форме дома?

Галя врать не стала:

— Разругалась с хозяином, калькулятором в него запустила, да жалко, что мимо. Ключи бросила, зарплату забрала и ушла.

Валентина ухватила сестру за шею, прижала к себе. Догадалась, конечно, в чем причина, но говорить ничего не стала, сестре и так тяжело.

Вошла мать:

— Воркуете, сестрицы? Завтра надо картошку прибрать, которая-то поможет, кто дома с утра?

— Я помогу, мама, — успокоила Галина.

— Ну-ну, а к вечеру я лапшу сварю, вашу любимую, из домашних сочней, отец петушка молодого зарубил, добрая будет лапшица.

Галя опять ушла к озеру, бродила вдоль берега, бросала камешки в потемневшую воду. Тут ни о чем не думалось, все земное оставалось где-то там, а тут фантастическая тишина, мертвая, словно окаменевшая вода, стена камыша с обеих сторон пристани. Лодка, на которой они сидели когда-то, в той еще жизни, с Мишей Андреевым, догнивала на отступившей от воды мели. Тяжелую обиду и запоздалую тоску сменила легкая грусть, когда и заплакать можно без всхлипов, одними слезами, а со слезами у девушки уходят многие печали, которые только что казались такими тяжелыми. Надо будет объяснить родителям, почему ушла с работы. Им трудно будет понять, ведь только месяц назад она хвасталась повышением зарплаты и отдала отцу на сохранение такие деньги, каких он давно в руках не держал. Чем объяснить ссору с хозяином, может, сослаться на недостачу? Но Валя — ее не обманешь, видно, с сестрой придется поделиться своей бедой.

Дома все ей показалось каким-то странным, неестественно оживленный отец, мама со своей хваленной лапшой, какую умеет делать только она во всем свете, Валентина, вдруг оживившаяся, причесанная, красивая,

только лицо бледное. Сели за стол, отец налил себе стопку самогонки, мама рюмку любимой настойки на ягодах, девочкам не предлагали. Только начали есть, Валентина захватила рот руками и выскочила во двор. Мать вроде кинулась за ней, но Галя остановила. Валентина стояла, наклонившись и опершись о стену сарая. Галя подала ей рукотерт, помогла умыться из летнего умывальника, вытерла лицо. Обе молчали и, наверное, понимали, о чем они молчат. Вошли в дом, сели за стол. Валентина видела, что родители ждут ее слова.

— Тятя и мама, не судите меня строго, я беременна.

Тишина нависла в комнате, густая и грозная. Мать заревела в голос, отец одернул:

— Раньше надо было сопли размазывать, раньше! Кто он?

Все притихли.

— Папа кто, я спрашиваю? Хозяин?

Валентина молчала. Отец кивнул:

— Я так и думал. А ты, Галина, с ним разругалась — не по тому ли поводу? Тоже, небось, домогался?

Галина стиснула зубы:

— Нет, тятя, не домогался, он месяц назад меня уговорил, кольца купил и сказал, что завтра сватов направит.

Мать завыла, закрывшись фартуком, запричитала, Артем Сергеич одернул ее опять, хотя сам словно обмер:

— Да что это такое, за что такой позор на мою голову?! Вы, молодые, умные, неужто не видели, что кобель он беспривязный? Как можно было довериться такому кабану? Побрякушками соблазнил? Я за вашей матерью год ходил, до свадьбы прикоснуться стеснялись, а вы в кого такие, что с похотью своей сладить не могли?

Дочери взвыли чуть не в один голос:

— Прости нас, тятя, и ты, мама, прости. Я про Валю не знала, а он жениться предложил, кольца купил.

— И я, тятя, не от похоти, а нравился он мне, ухаживал, я думала, что тут мое счастье.

Артем обнял обеих, заплакал:

— Простите меня, девочки, за грубые слова, не со злобы, а с горя. Обманом, не насилием, раздавил меня этот урод. Дочери мои, я всегда говорил, что проще всего обмануть честного простого человека, потому что он сам про обман не имеет никакого понятия. И вы на этом попались. Не думайте, я вас проклинать не буду, я ему отомщу за поруганье наше.

Артем Сергеич подошел к жене, тронул за плечи:

— Варюша, перестань, девочкам и без того тяжело. С завтрашнего дня к нему на работу ни ногой. Валентина, если надумаешь родить, решай, если в больницу поедешь, смотри, чтоб аккуратно. Идите к себе, нам с матерью поговорить надо.

— Ну, что, сестрица, ехать мне в больницу? — спросила Валентина. — Ехать, ничего другого не будет. Не хочу я такого ребенка и чтоб отец таким подлецом был.

Галя обняла сестру, тихонько плакала, шептала:

— Почему мы такие глупые? Ну, ладно я, тютя, верю всякому зверю, а ты ведь строгая и серьезная.

Валентина грустно усмехнулась:

— Казалась, наверное, строгой, а как по головке погладили, сразу

ручная стала. Если честно, Галя, он мне давно нравился, может, потому и получилось так.

Гале не совсем удобно было задавать этот вопрос, но насмелилась:

— Вы долго встречались?

Валентина усмехнулась:

— Три месяца. А потом он на тебя переключился, я поняла, только говорить ничего не стала, ты же вообще казалась недоступной. Он, правда, свататься обещал? Вот скотина! Уже до последней черты дошел.

Галя вытерла слезы:

— Я у него только раз и была, а наутро сразу заметила в его поведении перемену. Какие там кольца, он даже шутить над вчерашним пытался. Потом все время зазывал, видно, не подыскал замену.

Валентина спросила:

— Ты ему про сватовство не напоминала?

Сестра возмутилась:

— Как можно? А сегодня не удержалась, выплеснула все, ключи от всей души в морду кинула.

Валя остановила:

— Подожди, отец про месть говорил — что он хочет сделать, как ты смотришь?

Галя плечами пожала:

— Ума не дам. Не убьет же он его? Да и как? У тяти и ружья нет.

Валентина злорадно улыбнулась:

— Э-э-э, не скажи, отец наш не столь прост. Только бы не натворил чего.

Наговорившись и успокоившись, сестры уснули, а утром их разбудили громкие разговоры на улице. Валя накинула халат и вышла на кухню. Никого нет. Вышла во двор, рядом стоят с десяток женщин.

— Это же надо — в один миг и дом, и магазин!

— Неужто никто не видел?

— Это конкуренты, точно, товар не поделили.

— Дак ведь как толково подпалили: с ветреной стороны полыхнуло, а когда пожарка пришла, тут и делать уж нечего.

— А Прошка-то выскочил?

— Сказывают, дома не было, тем и спасся.

Валентина бегом убежала в дом, Галя тоже в халате, ждет. Валентина шепотом передала уличные разговоры.

— А тятя где?

Обе побежали во двор, мать вернулась с улицы:

— Слыхали, что творится в деревне?

— Тятя где? — в один голос крикнули сестры.

— У себя в мастерской, вроде улей колотил.

Девчонки бросились к мастерской, открыли дверь, отец привычно стоял за высоким верстаком, соединял непослушные дощечки улья.

— Что вы прискакали? Завтракать позвать?

Девчонки в голос:

— Тятя, ты разве не знаешь? У Прохора магазин и дом сожгли.

Отец даже не удивился:

— Ну вот, теперь знаю. Дочиста все сгорело?

— Говорят, до фундамента.

Артем Сергеич отложил недоделанный улей, отряхнул рабочую курточку:

— Два пожара враз случаются не бывает. Значит, крепко кому-то досадил Прохор Григорьевич. Ладно, наше дело сторона, пошли завтракать.

Следователи вызывали обеих сестер, но спрашивали как продавщиц, даже намека не было на то, что у них могут быть личные мотивы. Значит, умолчал Прохор, хотя подозрения на сестер у него явно были. Через три дня следователи уехали, так ничего и не выяснив. А еще через неделю калитку старшего Канакова открыл Артем Сергеич. На дворе никого, пришлось крикнуть хозяина. Григорий Андреевич спустился с крыльца, подал руку, поздравились.

— В дом не приглашаю, Артюха, жена лежкой лежит, угробят ее детки наши. Пошли в избушку, там у меня тепло и тихо, можно поговорить о чем угодно, никто не услышит.

Вошли, сели у стола, напротив друг друга:

— Помнишь, Григорий, я к тебе приходил, просил девчонок моих пристроить, чтоб на учебу накопили. Пристроил. Сын твой Прохор их обеих совратил.

Канаков встал над столом:

— Врешь! Артюха, скажи, что ты пошутил!

— Какие шутки, Григорий Андреевич, когда столь горя. Валентина беременна, а Галину он с месяц назад обмалахтал, убедил, что завтра сватов придет. Она и губу раскатила, золотое кольцо впервые в жизни примерила. А наутро он ее же и высмеял. Короче говоря, вчера я узнал об этом позоре и спалил дом Прошки и магазин. Сжег бы и второй, но он кирпичный. А теперь сдавай меня милиции, Григорий, только раскаиваться мне не в чем.

Долго молчали два побитых жизнью отца, думали каждый про свое. Григорий Андреевич понял сейчас, что он растерян, и чувство это пришло к нему давно, должен был появиться Артюха со своим признанием, чтобы оно оформилось в понимание. И этот сын потерян. Хотел спросить Артема, знал ли он, что Прохора нет дома, но не стал: откуда ему было знать, может, ему даже легче было бы, сгори тот в том огне. А Артем Сергеич еще раз сам себе признался, что сделал все правильно и к отцу подлеца пришел с признанием — тоже правильно. Сдаст Григорий его в милицию или нет — это его дело, а за поругание он отомстил, как мог.

— Плохо сидим, Артем Сергеич, обожди, у меня тут припас есть.

Открыл шкафчик, достал бутылку самогонки, два стакана, где-то в углу нашел две крупные помидорины, быстро порезал на тарелку. Разлил по стаканам, поднял свой:

— Артем, горе нас свело, у тебя свое, у меня свое. Хотя оно наше, общее. Про твои действия говорить ничего не буду, я в твоей шкуре не был. Но и обиды не имею, а только прощения у тебя прошу за мерзости выродка моего. Давай выпьем, чтоб меньше горя было в нашей жизни.

Закусили помидором, помолчали.

— Артем Сергеич, я своему слову хозяин. Я тебе обещал, что девчонки заработают на учебу — так и будет. Я знал, где у Прошки деньги лежат, случайно как-то увидел, что он с ящиком в маленькую комнатку ушел, меня не заметил. А пожар первым увидел, в окнах зайчики заиграли, побежал, куфайку задом наперед застегнул, рукавицы зимние надел — и в дом. Ладно, что он ящик не перепрятал. Обмотал я его одеялом и домой. Ночью вскрыл, там есть на что посмотреть, ты ко мне вечером приходи, я хорошенько разберусь.

Артем Сергеич встал над столом, грозно спросил:

— Ты что, Григорий, за поруганных моих девчонок хочешь деньгами заплатить?!

— Сядь, Артюха, я же не такой подлец, как мой неудачный сын. Да и есть ли у меня удачные? Сядь, Артем, успокойся. Я же тебе сказал: обещал помочь — выполню. А за девчонок он еще не раз поплатится, только это не в моей власти. Деньги эти девчонки должны были за год заработать, так что они свое получают, а не подачку. Артюха, я тоже в таких делах чистоплюй, но тут все честно: экспроприация экспроприаторов.

Артем насторожился:

— Гриша, шибко кучеряво, мне не понять.

Григорий Андреевич важно поднял указательный палец:

— Во, а я тебе предлагал в партию вступить, там эта наука изучалась. Иными словами, обидел тебя человек — пусть заплатит. Вот и все. Артюха, я тебя прошу, приходи вечером, после коров, вот тут же и посидим, тут же я все приготовлю. И выбрось из головы, что я этого подлеца откупаю, найдешь где — бей в рыло, слова не скажу. Приходи.

Полдня мучился Артем Сергеич, с одной стороны — паскудно деньги брать, а с другой — прав Григорий, это его обещание, и он его выполняет. Идти или не ходить? Однако — пошел и вернулся со свертком иностранных бумажек. Сверток аккуратно спрятал в мастерской, на ключ запер. Глубокой ночью при свече развернул бумагу, цифры пересчитал и ужаснулся: многие тысячи долларов. Снова свернул, в железный ящик уложил и под плаху спрятал. Пусть полежат до поры, а девчонкам надо сказать, чтобы в институт готовились.

25

Прохору брат Роман позвонил на квартиру, которую тот снимал для развлечений и ночевок в случае торговой необходимости, сказал про дом и магазин. Прохор подлетел к дымящимся еще развалинам, кинулся было туда, но пожарники остановили:

— Нельзя, в любой момент может пламя вспыхнуть.

Прохор отмахнулся:

— Пошел ты... у меня там деньги!

Пожарник пожал плечами:

— Ну, коли так — ищи.

Прохор нашел двухметровый кусок трубы и протыкал ею угли и золу, надеясь услышать металлический звук. Через полчаса бросил трубу, сел в сторонке. Потом опять кинулся к пожарным:

— Ребята, ящик у меня был в комнате, в шкафу. Там деньги, документы. Никто не выносил?

Пожарники сказали, что к их приезду тут так горело, что вынести что-либо было невозможно.

— Может быть, раньше? — предположил пожарник.

Прохор ухватился за эту мысль:

— Раньше? Точно, могли раньше, но кто? Никто же не знал, где он лежит!

Снова схватил трубу, полез в залитые водой грязные кучи. Измученный, весь в грязи, зашел он в ограду отца, а тот уже стоял посередине.

— Вот такие дела, отец, остался твой сын гол, как сокол, — грустно улыбаясь, развел он руками.

Старший Канаков дождался, пока Прохор подошел ближе, почти без замаха хлестко ударил его в лицо:

— Вон с моего двора! И чтоб духу твоего тут не было. Если бы верующим был — проклял бы паскудника! Ишь, женилка выросла, уму покоя не дает. Вон со двора и никогда больше близко не подходи, даже если нас с матерью выносить будут вперед ногами.

Прохор размазал кровь по лицу, она стекала ему под рубашку, он недоуменно смотрел на свои окровавленные руки и ничего не мог понять: — Папка, за что? Меня сожгли, и ты меня же бьешь?

Канаков угрюмо молчал, его била крупная дрожь, но повторил снова:

— У меня нет такого сына, как ты, убирайся вон, ты мерзавец, а подлых людей в родстве иметь не желаю. Вон!

Он схватил Прохора за воротник, довел до калитки и вытолкнул на улицу. Когда вошел в дом, увидел Матрену Даниловну, лежащую на полу без чувств. Схватил на руки, перенес на кровать, нашел на подносе нашатырный спирт, облил руку вместе с куском ваты, поднес к лицу. Все бросил, позвонил в медпункт, фельдшер прибежала быстро. Измерила давление, поставила уколы, посмотрела на прибежавшего Романа:

— Надо срочно вызывать «скорую» и врача — я думаю, у нее инфаркт.

Матрену Даниловну положили в реанимацию, Григорий Андреевич выпросился у врача сидеть в коридоре рядом с палатой.

— Я бы вам советовал ехать домой; когда жена придет в чувство, мы вам сообщим, — посоветовал доктор.

Григорий Андреевич посмотрел на него с упреком:

— Вот ты бы на моем месте — уехал? А мне зачем советуешь? Я буду ждать — сколько надо, столько и буду.

Поздно вечером медсестра позвала его в кабинет:

— Ложитесь на эту кушетку, вот одеяло. В случае чего — я вас позову.

Григорий Андреевич насторожился:

— В случае чего?

Сестра поняла ошибку:

— Я имела в виду, если ваша жена очнется и ей будет лучше. Хотя едва ли вам можно будет к ней зайти, без доктора я не решусь.

Двое суток прожил Григорий Андреевич в коридоре реанимационного отделения. Ему сказали, что Матрена Даниловна пришла в сознание, но говорить с ней нельзя.

Поздно ночью, когда все успокаивалось, он снимал с вешалки докторский халат и в одних носках пробирался в палату. Каждый больной освещен слабенькой лампочкой, и Григорий сразу нашел свою. Матрена Даниловна открыла глаза, и слеза скатилась по ее ввалившейся щеке. Григорий приложил палец к губам, мол, говорить нельзя, тихонько прошептал, что он ждет ее, и сколько надо — будет ждать. Она улыбнулась слабой улыбкой.

Он вышел в коридор и долго из полутемного коридора смотрел в бесконечную глубину ночи. Какие картины проходили перед ним! Не успевший повоевать ни с фашистами, ни с японцами, танкист Канаков шесть лет отслужил в Советской Армии, воспитывая молодое поколение. Домой пришел в пятьдесят втором, сразу в МТС, на трактор. Как-то в город ездил с колхозной машиной, бабы на базаре торговали, а Григорий свои дела устроил и шлялся по рынку. Увидел в очереди молоденькую девочку, хоть и одета бедненько, но красавица, каких никогда не встре-

чал. Тобкался рядом, дождался, когда она из очереди вышла, подошел, доложил по-армейски:

— Разрешите с вами познакомиться? Григорий Канаков, тракторист, работаю в колхозе имени Кирова, это полста километров от города.

Девушка не испугалась, не смутилась, только спросила:

— И зачем вы все это мне рассказываете?

Григорий ступешевался:

— Сейчас поясню. Я вас в очереди увидел...

— Это я знаю. Вы для чего со мной решили познакомиться? Вы меня совсем не знаете.

— А зачем мне знать? — обрадовался Григорий. — Вот подружиться и все друг про дружку узнаем.

Девушка засмеялась таким смехом, что грубоватый Григорий чуть не заплакал от умиления:

— И как это вы без меня решили, что мы подружиться?

— Но вы ведь не замужем?

— Нет, не замужем.

— Вот и я холостой. Почему бы нам не подружиться? Я человек надежный, и слово мое — кремень. Я, конечно, не могу к вам часто приезжать, работа у меня такая, но в следующий раз приеду и непременно вас увезу.

Девушка опять засмеялась:

— Вы даже не знаете, как меня зовут. Меня зовут Мотя, Матрена.

— А живете вы где? С родителями?

— Нет, у добрых людей.

— Тогда тем более надо переезжать ко мне, у меня дом хоть и старый, но большой, а когда семья возрастет, отдельный дом поставим. Соглашайся, Мотюша.

— Ладно. Пойдем, я покажу, где живу, чтоб ты меня нашел. Только к хозяевам заходить не будем. Ты, когда приедешь, подойди и пропой соловьем. Умеешь?

— Не, не учился. Петухом могу.

Матрена залилась громким смехом:

— Ладно, подашь голос, я все время дома.

Такая была странная первая встреча. Нескоро Григорию удалось вырваться в город, пошел к председателю, попросил замену.

— Что тебе приспичило? — рявкнул председатель.

— Жениться хочу, — несмело ответил Григорий.

Председатель подобрел:

— Хорошее дело, Гриша, даю два дня, но чтоб женился.

Матрена так долго хохотала над Гришиным рассказом, что он обиделся:

— Я к тебе всей душой, а ты смешки строишь. Если один приеду, председатель прогулы поставит и премиальных лишит. Так что собирайся, Мотюшка, поедem домой.

И тогда девушка взяла его под руку и увела на край улицы, сели на сломанную березку, Матрена стала говорить:

— Вот ты зовешь меня, Гриша, и хоть не знаю тебя совсем, но мне почему-то радостно на сердце. Значит, мы с тобой должны были встретиться. А еще слушай. Отец мой был командиром казачьей сотни в двадцать первом году, когда восстание случилось. Он вместе с вашим командиром Атамановым Григорием воевал. Когда их разбили, отец с чужими бумагами убежал в казахские степи и невесту свою увез. Там жили, скот пас-

ли, детей нарожали, а в тридцать седьмом его нашли. Спасибо, добрый человек предупредил; он всю ораву на телегу сгрузил и отправил, а сам дождался. Мама от верных людей узнала, что его расстреляли в Акмолинске. Мама умерла, братья и сестры разбежались, я младшая, одна осталась. Вот и думай теперь, Гриша, что я дочь врага народа, если это вскроется, то и тебе не избежать.

Григорий обнял Мотюшу, прижал к колыхающемуся сердцу:

— Теперь я тебя по-любому не оставлю. Беги, собирай пожитки, и на рынок, там наша машина должна быть.

— Приданого у меня, Гриша, одна честь и гордость казачья. Не надо туда ходить, спросят, узнают, могут по глупости на след навести. Если берешь меня — бери, какая есть.

Вот тогда они в первый раз поцеловались, так, только губ коснулись, а молния обоих прошла, и Григорий решил, что нельзя ему прикасаться к девушке, пока в сельсовете все, как положено, не запишут и объявят мужем и женой...

Григорий Андреевич вытер слезы, прошелся по коридору.

26

Проход после ссоры с отцом пришел к Роману, отмылся, переоделся в братнину одежду, благо одних габаритов были, сели за стол, Марина подала обед, хозяин открыл бутылку коньяка.

— Найди Никиту, — попросил Проход.

Роман покрутил телефон, нашел, попросил срочно приехать. Никита рассказу Проши даже не удивился:

— Братья, между нами говоря, с отцом неладное творится. Этот постоянный мордобой, эти выступления на собраниях — ну, бред сивой кобылы! А пожар? Вы думаете, само загорелось? А кто мог? Кому Прошка плохо сделал? Да батя и поджег, потому что он нас всех ненавидит, он вообще из ума выжил с этим марксизмом. Обещал он твой дом продать? Обещал?

Проход кивнул.

— Вот! Не продал, а поджег. Мне уже в отчий дом входить заказано, близ ворот не пустит. Умри сейчас мама — я даже проститься не смогу, не пустит!

Роман взглянул на брата:

— Зачем ты так о маме? Она поправится.

Никита кивнул:

— Я сегодня говорил с врачом, вызвал, и в машине разговаривали, потому что папаша, как коршун, у дверей сидит, не подойти. Так вот, врач сказал, что ей не выжить, слишком обширный инфаркт. И опять же все из-за него: устроил расправу над родным сыном на глазах у матери. Если он зверь, то мама-то добрейший человек, она и не вынесла увиденного. Так что надо готовиться.

Долго молчали. Роман не удержался:

— Проша, все равно у тебя какие-то думки есть, может, в городе с кем поссорился, с девками кому дорогу перешел?

Проход словно очнулся:

— Валька с Галькой, я с ними переспал и бросил. Это они! Точно, больше никому!

Братья переглянулись и засмеялись:

— Прошка, если бы каждая брошенная тобой баба по дому сжигала, вся деревня уже выгорела бы. Ну, подумай ты сам, какая из Галинки поджигательница?

Прохор взъярился:

— Да ты ничего не знаешь! Если бы ты видел, какое у нее лицо было, какие молнии в глазах, когда она ключи в меня бросила, ты бы не стал так говорить. Они. Их надо трясти.

— Подожди, Роман, — поднял руку Никита. — А папаша их не мог отомстить?

Никита кивнул:

— Для того чтобы мстить, надо хотя бы знать, за что. Неужели ты думаешь, что обе дочери одновременно упали перед папой на колени: «Папа, отомсти Прошке, он нас испортил!»? Да и Артем Сергеич бессловесный человек, он муху не обидит. Нет, это исключено.

Роман встал, прошелся по комнате:

— А, собственно, о чем мы судим? Какая разница, кто это сделал, надо что-то с Прошей решать.

Никита спросил:

— Проша, у тебя же были деньги, сам хвалился, что квартиру можешь купить в городе.

Прохор улыбнулся:

— Говорил и мог, но вовремя не купил, а во время пожара уплыл сейф с деньгами.

— Во как! И что ты молчал?

Прохор взвился:

— А что толку визжать на всю деревню?! Кто-то знал о сейфе и о деньгах, без этого в огне его не найти, он в детской комнате в шкафчике укрыт был. Но кто мог знать — ума не приложу.

Роман бросил в пустоту молчания:

— Нас ты, надеюсь, не подозреваешь?

Прохор махнул рукой:

— О чем ты?

— Так осталось хоть что-то или совсем ничего?

Прохор улыбнулся:

— На сигареты.

Опять помолчали. Наконец, Никита подвел итог:

— Квартира у тебя в городе снята, живи там, надо с Юрочкой посоветоваться, может, он даст хорошую работу, у них оклады приличные и купоны стригут — дай Бог каждому. Рома, это на тебе. Я попробую поговорить с Треплевым, надо найти в райцентре помещение для магазина, деньги все там, это самое главное.

Опять вернулись к матери:

— Мужики, случись с мамой — он же нас не пустит в дом, каждому об этом отдельно сказано, он может продублировать и у гроба, — что делать? — спросил Роман.

Никита предложил:

— Надо через теток на него повлиять, не сейчас, конечно, а — когда случится.

— Он этих теток наших никогда не почитал, неужели ты думаешь, что сейчас что-то изменилось? — не выдержал Прохор. — Слушай, Роман, может, тебе через главного врача.., ну, договориться... проверить его на вменяемость?

Роман встал:

— Да ты что, охренел совсем со своими бабами и пожарами? Забудь, ты мне этого не говорил.

Прохор громко хлопнул в ладоши:

— Ну, решайте, только я на еще один мордобой не пойду, уеду в город, после похорон постою у могилы.

— Не то, не то! — Никита мучительно что-то соображал. — Во-первых, мы обязаны проводить и проститься с мамой, во-вторых, ребята, это деревня, да на нас плевать все будут, и, в общем-то, они правы.

— Но все же дело в отце! — Роман посмотрел на братьев. — А если мы вместе встанем перед ним на колени, может, простит, хотя бы с мамой проститься позволит по-человечески? Вот как это будет выглядеть? Мы входим, а он встречает нас на крыльце и гонит, как собак. И как после этого в деревне жить?

— Да, надо что-то придумать.

— Вот ты и придумай. Давайте еще по рюмке, и я пошел, — предложил Никита.

27

Извелся Григорий за это время, Мотюшку уже перевели в отдельную палату, и он мог все время быть около нее. Говорить она не могла, только грустно улыбалась, видя, как старается ей угодить. Он говорил с нею постоянно, когда она не спала, вспоминал самое доброе из большой жизни, но всегда избегал речей о детях. Ночами уходил в коридор и давал волю слезам. Странно, но в темноте ночи он научился находить ее образ и видел всегда такую, какой хотел: и молоденькой девчонкой, и на колхозной работе в поле, когда она широкой лопатой разравнивала зерно в кузове грузовика именно от его комбайна. Видел на гулянках, которые устраивали всей семьей, и Матрена пела никому не известные казачьи песни. А потом привиделась она ему серьезной, грустной, как будто они прощались, она обнимала его, как всегда обнимала и целовала, когда он уходил на работу, так было до самой пенсии. Григорий стяхнул виденье. Ничего толком не увидел Григорий, одно только ощущение, что Мотюшка была рядом, он даже дыхание ее слышал, даже запах волос ее терпкий чувствовал. Заглянул в палату — вроде спит, глаза прикрыты и дышит. Успокоился, прилег на кушетку, задремал.

Выписали Матрену Даниловну через месяц, за все время дети бывали у матери трижды: по субботам отец уезжал в баню. Перед выпиской врач позвал Григория в свой кабинет:

— Григорий Андреевич, за это время я убедился, что жена очень дорога вам. Но как врач я должен вас поставить в известность: мы выписываем Матрену Даниловну не потому, что излечили, а потому что излечить невозможно. Очень обширный инфаркт, к тому же возраст, гипертония, повышенный сахар. Мы снабдим вас всеми необходимыми препаратами, чтобы снимать боль, наш фельдшер будет у вас утром и вечером. К сожалению, другого я вам сказать не могу.

Канаков слушал молча, уронив голову на грудь. Когда врач закончил, он кивнул:

— Значит, мы едем домой помирать. А я думал, вы сумеете поднять ее хоть на пару годиков. Выходит, никуда не двинулась наука после революции. Ей-то вы этого не сказали?

— Конечно, нет.

Домой привезли на «скорой», санитары на носилках внесли больную в дом, сестры уже натопили и все прибрали, положили Матрену Даниловну на супружескую постель, так он велел. Дома ей стало лучше, несколько времени она могла говорить, пусть шепотом. Поманила мужа глазами, указала на край постели:

— Гриша, видно, скоро я уберусь. Мой наказ: всю одежду раздай родственникам, у меня много чего накопилось. По мне не тоскуй, это плохо. Найдешь приличную женщину, приводи, одному тяжело. Только какая с тобой уживется, только я.

Он припал к ней и плакал. А она шептала:

— Гриша, я крещеная и не могу помереть без исповеди. Найди священника. Дня три я еще подожду.

Когда Григорий вышел из комнаты, захватил голову руками:

— Как же я, черт старый, адрес тому попу дал, а его не взял. Где теперь его брать?

Утром пошел на почту, наклонился к окошку:

— Милая, ты мне вызови монастырь под городом, там есть, должен быть монах Николай.

Целый час билась девчонка — никак не соединяют городские телефонистки — то связи нет, то линия занята. Ушел ни с чем. У ворот встретился с Никитой. Сын кивнул и даже поклонился отцу:

— Лариса с Мариной заходили к маме, она про священника говорила. Может, я съезжу?

— Куда? У меня и адреса нет. Не надо ничего делать, сам решу.

Вечером около дома остановилась легковая машина, Григорий глянул в окно: Господи, поп, и весь в черном. Выскочил на крыльцо, спустился по крутым ступеням, отворил калитку — Николай!

Обнялись, вошли во двор.

— Ты меня сначала научи, как к тебе обращаться, чтоб по уставу. А потом и о другом.

— По уставу, сын мой, отец Тихон, так именован при постриге в монахи. Чин мой игумен, так и обращайтесь: отец Тихон, ну, можно игумен Тихон.

— Да как же, сынок, я тебя отцом буду называть? А ты меня сыном?

— Так заведено, Григорий Андреевич.

— Ладно. Кто же тебе сказал, что ищу тебя сегодня с самого утра?

— Господь указал путь, понял я в ночной молитве, что вам нужна моя помощь, адрес у меня был. Настоятель благословил, и вот я тут. Какое горе случилось, Григорий Андреевич?

— Жена моя при смерти, просит исповедоваться, я и кинулся на телефонную станцию, только бесполезно. Сразу пройдешь, отец Тихон?

— Сначала на кухню, согреюсь, приготовлю все. Вы только проведете меня к больной и уходите. Помните о тайне исповеди?

Матрена Даниловна даже привстала, когда увидела монаха с большим крестом на груди. Григорий запер дверь.

Через час отец Тихон вышел, прикрыв дверь:

— Она исповедовалась и причастилась святых даров, ей полегчало, пусть поспит.

— Отец Тихон, сколько она проживет?

— Все в руках Божьих, но жизни в ней осталось немного. Лучше, если бы дети и другие родные побывали у нее при жизни.

— Нет у меня детей, а сестры и так придут скоро.

— Как нет детей, Григорий Андреевич? За вами в пансионат сын приехал, я даже имя помню: Никита. Что случилось?

И Канаков, как на исповеди, все подробнейшим образом рассказал монаху, он слушал молча, кивал, но, когда Григорий Андреевич сказал, что сыновей ко гробу матери не пустит, только за воротами они могут попроситься, потому что отлучил он их всех троих от семьи, монах возразил:

— Григорий Андреевич, вы использовали родительскую власть до самого предела. Но гнать детей от гроба матери (он трижды перекрестился) нельзя, не по-христиански это, не по-человечески. На эту минуту страшную надо отозвать свое решение, вы сами на эту минуту можете уйти, но проститься дети имеют право. Если не возражаете, я проживу у вас два дня.

— Только я тебя, отец Тихон, в избушку определяю. Там светло и чисто, сегодня сестры придут на ночь, так что мы побеседуем.

28

С Матреной Даниловной все село приходило прощаться, стояли люди у гроба, вздыхали. Сестры Григория все время были в доме, горячий обед готовили в летней кухне, которую пришлось основательно прибирать, потому что давненько не пользовались. Григорий распорядился, что горячий обед будет в своем доме. На ночь хозяин вместе с монахом уходил в избушку, приходили сыновья, почти до утра сидели у гроба матери. Плакали все. Каждый свою вину понимал и чувствовал.

Монах аккуратно спросил хозяина, не будет ли он против отпевания умершей. Григорий Андреевич кивнул, мол, делай, как знаешь. Но отец Тихон предупредил, что после отпевания гроб следует закрыть. Такой порядок.

— Тогда, прости меня, сынок, отпевай на кладбище перед погребением, а теперь не позволю гроб закрыть. Я еще не посмотрелся на нее, ведь не увижу больше.

— На том свете все встретимся, Григорий Андреевич.

— Возможно, не стану отрицать, только не верю, а коли так, то и закрыть не дам. Решай сам.

Отец Тихон согласился.

— Как дальше жить собираетесь, Григорий Андреевич? С сыновьями в разводе, одному жить не совсем ловко, да вы и не умеете. Молиться вам надо, в этом утешение. Я вам молитвенник оставлю, посмотрите.

Многолюдно было при выносе, да и на кладбище потянулось много народа. Григорий Андреевич встал на колени и поцеловал жену в губы. Как прощались остальные, он не видел. Пелена затмила глаза и сознание покинуло его, он, молча, как посторонний, глядел, как накинули крышку, не слышал, как стучали молотки, бросил три горсти земли на чистую крышку гроба, дождался, когда образовался высокий холмик, когда поставили крест, поклонился новому сооружению и быстрым шагом пошел к дому.

За общим столом он пригубил рюмку и ушел в избушку. Отец Тихон собирал свои вещи.

— На столе записка, там адрес и телефон, к которому меня могут пригласить. Я уже записал ваш телефон, так что будем общаться. Еще раз обнимаю тебя, сын мой, сострадаю твоему горю и заверяю тебя, что раба

божия Матрена в означенное время будет в раю. Григорий Андреевич, не должен я такого говорить, но Господь простит, ибо ни корысти, ни злобы в том нет. Жена твоя редкой чистоты женщина, ни один мужчина не прикасался к ней, кроме тебя. И любила она тебя так, как только дозволено женщине любить мужа своего. Не провожайте меня, да благословит вас Бог!

Когда народ разошелся, он вошел в пустой дом, сел за убранный уже стол, уронил голову на свои тяжелые руки и зарыдал. Сестры не смели помешать ему. Выплакавшись, Григорий встал:

— Девчонки, до сорокового дня не шевелите ничего, ночуйте тут, а я в избушке буду. После решим, что и как.

И девять дней провели так же тихо и спокойно, ребята в городе заказали службу, сами увезли цветы на могилу, но в дом не пошли. И в сороковой день собрались люди, посидели за столом, поклонились хозяину и разошлись.

Григорий открыл сундуки и шкафы, велел сестрам смотреть, что им подойдет, да и так просто взять на память. Все остальное велел собрать в узлы и унести в сельсовет, там найдут, кому раздать.

Когда все разошлись, он полез в дальний ящик комода, достал документы на строительство этого дома, которые хранились уж сорок лет, нашел там и справку из совета, что дом этот принадлежит Канакову Григорию Андреевичу на правах личной собственности. Бумаги собрал, положил в хозяйственную сумку, с которой покойница все ходила в магазин за продуктами, и вышел на улицу. Дом Артема Сергеича на крайней к озеру улице нашел сразу, хотя ни разу не бывал. Домик древний, покоился весь. Стукнул калиткой, думал, собака тявкнет — нет, тишина.

Из дома вышла девчонка в накинутом пальтишке, узнала отца бывшего хозяина, спросила не очень ласково:

— Вы к кому?

— А ты Галя или Валя?

— Галина я.

— Вот славно. А Артем Сергеич дома?

— В мастерской он. Позвать?

— Нет, дочка, ты лучше меня проводи.

Артем открыл двери, смутился, даже в лице изменился:

— Проходи, Григорий Андреевич, или лучше в дом?

— Да нет, тут ловчее наши речи вести. Артюха, ты слышал, что я жену свою дорогую схоронил?

— Знаю, Гриша, сам провожал до могилки. Редкая была женщина.

— Детей изогнал из сердца своего, один на белом свете и никому не нужен. Решил я, Артюха, уйти в обитель, в монастырь.

— Григорий, ты же партийный!

— Ну и что? Там всяких принимают. Но не затем пришел к тебе. Коли я за сына своего век у тебя и девчонок твоих в долгу, принес я бумаги на дом свой, ты сейчас позовешь двух соседей, и мы напишем договор, что я продал, а ты у меня купил этот дом со всем барахлом в нем и со всеми постройками.

— Григорий Андреевич, если тебе деньги нужны, я их так верну, без бумаг.

— Артем, ты меня не понял. Я ухожу в монастырь, зачем мне там деньги? А договор нужен, чтобы ни одна падла к тебе не предъявила, а таковые могут возникнуть. Так вот, пока я тут, ты в дом перейдешь с се-

местством. Там все есть, от посуды до постельного белья, еще не тронутого. Поживешь так дня три, я в избушку буду, а когда все поймут, что дело сделано, вот тогда я и уберусь. Только ты никому ни слова. Девки твои красавицы, они свое счастье еще найдут, но одна меня встретила — гордая, могут заартачиться, так ты бери круто: переходим, а эту развалюху бульдозером.

В смущении от неожиданной миссии соседи подписали договор, никак в толк не могли взять, откуда у Артема такие деньги и куда собрался переезжать Канаков. Когда все было сделано, Григорий пошел в свою избушку. За воротами его догнали Галина с Валентиной:

— Григорий Андреевич, вы извините меня, что так недружелюбно встретила вас, — выпалила Галина. — Мы на вас зла не держим.

— Спасибо, дочки, и вы мне любы и приятны, дал бы Бог таких дочерей — гордился бы ими. Завтра утром всей семьей ко мне, жду.

Видно, от простоты душевной, от чистоты принятого решения Григорий смотрел, как радовались девчонки новым комнатам, как осторожно открывала кухонные шкафчики их мать, как растерянно чувствовал себя в новой роли сам Артем Сергеич.

— Валюша с Галюшей, продукты все в холодильнике, там и куры, и свинина, готовьте хороший ужин, давненько я с родными людьми не ужинал.

Ужинали в зале за большим столом, выпили по рюмке, долго говорили о хозяйке этого дома, обо всем другом, избегая речей о сыновьях и будущем самого хозяина.

— Артем, завтра пойдем в сельсовет, ну, в администрацию, домовую книгу на тебя перепишем, заодно и общественность поставим в известность. Заранее говорю: если кто-то посылается на дом — вызывай Романа Григорьевича, он человек грамотный и законы должен знать. А не знает — я ему популярно объясню.

Невиданная доселе купля-продажа поставила деревню на дыбы. Каких только разговоров не было, вплоть до того, что и дочери-то у Артюхи — Григорьевны, а пожар устроил сам Канаков, только вот зачем — никто объяснить не смог. Так в сомнениях и догадках тихонько затерялась эта новость в ворохе ежедневных деревенских сплетен. Только старший Канаков был уже далеко.

У монастыря под скромной кровлей стояли несколько человек. Согбенный и седой старик подошел, поздравствовался. Оказывается, родник бьет из земли, невысоко, а вода чистая-пречистая. Ему подали стаканчик, он отпил — приятная и добрая водичка, поблагодарил, отошел в сторонку. А люди припивали и удивлялись:

— Какая вода! Божья слеза. Нигде более не найдете вы столь чистой воды.

Григорий Андреевич стоял в стороне и плакал.

